

18+

ЕРКЕГАЛИ

Все — в одном

КНИГА ОСНОВАНА НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ, НО НЕ ИМЕЕТ С НИМИ
НИЧЕГО ОБЩЕГО

Еркегали

**Все – в одном. Книга основана
на реальных событиях,
но не имеет с ними ничего общего**

«Издательские решения»

Еркегали

Все – в одном. Книга основана на реальных событиях, но не имеет с ними ничего общего / Еркегали — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504667-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как разобраться, что хорошо и что плохо? Почему одно поколение считает — честь превыше всего, а другое возводит деньги на пьедестал, практически поклоняясь им? Почему мы сегодня ради наживы готовы ломать судьбы других людей? Как вернуть все на круги своя? Мы любим своих родителей, но не уважаем чужих, в воспитании ли дело, или это следствие окружающей нас действительности? Для понимания этого недостаточно одной истории, но все же автор берется за эту тему, пытаясь разобраться, что к чему.

ISBN 978-5-00-504667-3

© Еркегали
© Издательские решения

Содержание

Сеит-Баттал	6
Бисара	7
Умрахия	9
На родине	10
Нурбике	12
Бигайша	17
Ахметкали и Нурипа	20
Сатыбай	23
Сатыбай и Нурбике	25
Нургазы	27
Война и плен	28
Мирное время	32
Хасеновы	33
Мухамедсадык и Нурби	38
Зауре	40
Арсен	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Все – в одном
Книга основана на реальных событиях,
но не имеет с ними ничего общего

Еркегали

© Еркегали, 2024

ISBN 978-5-0050-4667-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается отцу. Одному из лучших педагогов, отдавшему свою жизнь без остатка служению своим ученикам.

Сеит-Баттал

Раннее утро. Молодой человек запрягает коня, закидывает ему на спину коржын¹. К нему подходит мужчина постарше:

– Ты уверен, что хочешь ехать так далеко?

– Да, конечно. Я хочу быть таким же образованным, как ты.

– Но мне родители выделили достаточно средств на обучение. Сейчас их нет, а я только начинаю работать, и могу тебе дать лишь немного денег. Может, подождешь год – два? К тому же, я научил тебя грамоте, насколько это было возможно. Пока этого достаточно.

– Нет. Мне скоро шестнадцать, а профессии еще нет.

– Ну как знаешь. Удачи тебе в Петрограде.

Так, имея всего одну лошадь, Сеит-Баттал поехал в славный город, получить образование и специальность. Поездка была долгой и трудной, но к счастью обошлось без происшествий. По дороге встречались аулы с родственниками, в которых он мог остановиться, отдохнуть и подкрепиться. Узнавая цель его поездки, они одаривали его скромными подарками и чем могли помогали, пытаясь облегчить ему путь к цели. У кого-то были знакомые, в большом городе и они с удовольствием делились адресами, давали рекомендации. Доехав, наконец, до столицы, поселился на окраине – в небольшой квартирке, которую рекомендовал один из родственников. Владельцем был отставной офицер, бывавший в степи по делам государственным. Квартира была небольшой, в комнате стояли стол и кровать. Все по-военному просто и аккуратно. Цена вполне устраивала молодого человека. Юноша спустился со своей комнаты, в столовую, где накрыли ужин – там уже находился хозяин. Ожидая от бывшего солдата строгости поведения и тяжелого характера, Сеит-Баттал ошибся. Перед ним сидел совершенно обычный человек, без намека на надменность, имевший хорошее чувство юмора и такта. В ходе беседы, узнав, зачем молодой человек приехал в город, старый вояка сказал, что сейчас здесь небезопасно и образование нынче лучше дают в Стамбуле, нежели здесь.

– Да, но как же я туда поеду? У меня и денег таких нет, – произнес молодой человек.

– У Вас же лошадь есть, юноша. Так продайте ее! Денег много не дадут, но на Вашу затею с обучением вполне хватит. Если, конечно, не будете затягивать с отъездом. А я, в свою очередь, помогу Вам с тем, чтоб Вы могли подзаработать в дороге. Есть у меня один знакомый капитан. Думаю, он может быть полезен нам. Только его пароход отплывает через неделю. Советую поторопиться с продажей.

Видимо, молодой человек, стремящийся получить знания в столь смутное время, очень понравился старику. Он выполнил свое обещание и действительно поговорил с капитаном. Тот, в свою очередь, все устроил. Теперь, до прибытия в Турцию, Сеит-Баттал мог работать матросом на пароходе, выполняя самую грязную и тяжелую работу. Правда, первые дни дались очень тяжело – палуба уходила из-под ног, постоянно тошнило, не привык степняк передвигаться по воде. Но цель стоила того.

Прибыв в Стамбул, зашел в одну из семинарий, не особо надеясь, что его примут. После продолжительного собеседования его зачислили, выделили комнату. Вид она имела максимально аскетичный: стены голые, где прижавшись к одной из них, стояла скромная деревянная кровать, большая подставка под книгу, тоже деревянная с красивой резьбой, перед которой лежал выдавший виды коврик, и более ничего. Как объяснил наставник: это сделано для того, чтобы ничто не отвлекало от учебы. Выдали ему одежду и кормили трижды в день. Молодой человек был несказанно рад, что с него не будут брать плату за учебу. Мало того, как ученик, учившийся на отлично, получал стипендию. Поскольку тратиться было не на что, у него появилась возможность к окончанию семинарии скопить некоторую сумму наличных.

Бисара

Темная ночь. Свинцовые тучи низко нависли над землей. Молодая женщина семнадцати лет с маленьким свертком в руках идет по степи, все время оглядываясь, словно боясь преследования. Заприметив небольшой лесок, направляется к нему. Видно, устала неимоверно – то еле передвигает ноги, то вдруг переходит на быстрый шаг, пытаясь бежать. Когда она зашла в лес, сверток запищал. Села, облокотившись спиной о дерево и стала кормить своего сына. Когда он успокоился, собрав все силы, встала и пошла. Куда идет? Она и сама не знает, лишь бы подальше от людей, которых считала своими близкими. В лесу темно и страшно, слезы текут по щекам, помощи ждать неоткуда. Направившись в глубь леса, она надеялась найти место для отдыха. Тут залаяла собака, скорее даже, просто твякнула пару раз. Пойдя на звук, через некоторое время увидела свет. Видимо, там есть люди. Может быть, они пустят переночевать? С каждым шагом приближаясь к дому, она теряла силы, ноги уже совсем не держали. Каждый шаг давался усилием воли, и если бы не беспокойство о сыне, то она давно уже свалилась бы с ног.

Касабулат спал очень плохо, постоянно просыпался. Его не оставляло какое-то беспокойство. Поворочавшись в кровати, решил попить чаю. Почему не спится? Вроде все, о чем он мечтал – сбылось. Покинув армию по ранению, нашел работу егерем в самой глуши, подальше от офицеров, людской подлости и жадности. Направляясь на место новой работы, встретил свою жену, ныне покойную. Ее сильно не хватает, некого ночью ткнуть в бок и попросить чаю, поболтать о том, о сем. Может, из-за этого сон не идет? Или может, из-за того, что стар стал, все-таки сорок лет уже. Списав все на старость, решил лечь и попытаться заснуть. И тут услышал осторожные шаги. Истерично залаял привязанный во дворе Сыртан. Кто-то медленно подошел к дому и грузно, с придыханием, сел на крыльце. Осторожно взяв ружье, Касабулат медленно открыл дверь и увидел совсем молоденькую девчонку. Видно было, что она измотана до предела. Отложив ружье, он вышел на крыльцо, молча поднял ее, занес домой.

– Кушать будешь?

Она только кивнула головой. Егерь накрыл на стол все, что было – чай, варенье, лепешку и чашку с мясом. Девушка стала медленно есть. Когда она поела, он продолжил:

– Ты кто?

– Бисара.

– Ну давай, Бисара, рассказывай. Что произошло и куда направляешься, как здесь оказалась? Места здесь глухие, до ближайшего аула верст сорок будет.

– Это долгая история.

– Да я не тороплюсь. Уже...

– Понимаете, я вышла замуж за хорошего парня. Прожили мы недолго, прошлой осенью он погиб на скачках, упал с лошади и попал под копыта. А спустя год, его родня решила меня выдать замуж, за сорокалетнего старца.

После слов о сорокалетнем старце Касабулат почувствовал себя неуютно.

– Я, кажется, слышал об этом. Твоего мужа, случайно, не Сергазы звали?

– Да, это он.

– Ну, хорошо, сейчас уже поздно, ложись спать вон в той комнате. Утром еще поговорим.

Как только голова коснулась подушки, Бисара забылась тяжелым сном. Проснулась от какого-то шума. Выглянув в окно, увидела своих родственников, человек десять. Там были и дядьки, и тетки ее мужа. И еще три его брата – у всех косая сажень в плечах, известные в своей волости борцы. Как ее нашли так быстро? Видимо, они уже некоторое время разговаривали с хозяином, скорее кричали на него. Начала разговора она не застала.

– Что вы пристали к ней? Не хочет она за старика! – спокойно говорил Касабулат.

– Ты, дед, за нее не переживай, там она, как сыр в масле кататься будет. Да и нам перепадет немного, – тут они, по-другому и не скажешь, заржали.

– Совесть у вас есть? Она же еще ребенок совсем, да и вы не бедствуете, семья у вас богатая.

– Все! Мне это надоело. Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому! – один из братьев стал угрожающе продвигаться вперед с недоброй улыбкой на лице, остальные двое не отставали от него. Вся эта ситуация не предвещала ничего хорошего. Что мог сделать, этот маленький щуплый старичок с такими богатырями? И Бисара решила выйти, дабы предотвратить то, что должно было произойти. Но тут произошло нечто странное – два брата оказались на полу, они схватились руками за горло, лица их побагровели, глаза выкатывались из орбит. Было видно, что им не хватает воздуха, как это случилось, никто не понял. Оставшийся на ногах кинулся к егерю и пытался схватить его за грудки, но получил резкий удар головой, прямо в переносицу, и тут же откатился к своим братьям. Толпа возмущенных родственников побежала к старику. Но старый солдат выхватил ружье, висевшее за дверью, и направил на них. «Родные» Бисары остановились, старая «Мосинка» быстро отрезвила их.

– Значит так! Теперь слушайте внимательно! Советую вам, сейчас же, вернуться домой и забыть сюда дорогу. Иначе... хозяйство у меня большое. Места, где можно спрятать ваши тела, достаточно. И никто никогда их не найдет. Все понятно? – для большей убедительности он откинул полы старого камзола и показал висевший на поясе наган. Люди медленно попятились к лошадям и повозкам.

– Быстро!!! – крикнул, чуть не сорвав голос, сильно разозлившийся Касабулат и выстрелил вверх голов. «Герои» охотно последовали его совету, и, путаясь в длинных полах своей одежды, очень резво покинули место, в котором пытались установить свои правила.

– От таких людей я и сбежал сюда, так нет же, нашли, – ворчал он заходя в домик. Там он увидел, как плачет Бисара, и уже громче, чтобы она его услышала, сказал. – Видимо, не такой уж я и старик! Не переживай. Видишь, как хорошо все сложилось. Теперь они тебя не побеспокоят. Давай-ка, мы сейчас попьем чаю. Что-то я перенервничал.

Накрыли на стол, стали пить чай и тут послышался скрип телеги. Бисара задержалась – неужели вернулись?

– Не беспокойся, это мои дети от тетки вернулись – посмотрев в окно, сказал Касабулат.

В дом зашли три брата: старшему было лет шестнадцать, и маленькая сестренка лет семи-восьми от роду.

– Вот, познакомьтесь с нашей гостьей, ее зовут Бисара, она поживет некоторое время у нас, – сказал отец. – Вот мои дети: это Алпысбай, это Елюбай, это Тортбай, а это наша младшенькая Айсара.

Дети молча смотрели на незнакомую «тетю», и не знали, что сказать или сделать.

Спустя полгода, Касабулат заговорил с гостьей:

– Надо бы сообщить твоим родителям, где ты. Они переживают, наверное. Может захотят, чтобы ты переехала к ним... И тут он осекся – женщина посмотрела на него так, как раньше смотрела только жена, медленно подошла к нему, взяла за руку и очень ласково приложила ее к своей щеке. У мужчины мурашки побежали по спине.

– Я не хочу куда переезжать, здесь теперь мой дом.

– Как же... я же старый... ты же не хотела за старика... – стал заикаться он.

– Так, то был чужой, а ты мой старик... – проговорила она, и, глядя снизу прямо в глаза, нежно обняла его.

Через год у них родилась дочь, которую называли Турар.

Умрахия

Отец был человек строгий. Айып часто уезжал по делам из города – у волостного правителя много работы. Умерев, он оставил волость в руках своей жены. По обычаям того времени, чтобы женщина не осталась одна, ее должны были отдать за одного из братьев мужа. Она вышла замуж за младшего брата. Он был этому очень рад, ему до безумия нравилась будущая жена. С той секунды, когда невестка переступила порог их дома и до последнего момента, он был в нее влюблен, охотно исполнял любой ее каприз. Она все видела, но считала, что это детская блажь. Решила так: поскольку он младше нее на десять лет, то жить они будут отдельно и отделила его от себя, выделив пастбища и скот. Он пытался уговорить ее жить вместе, но жена была непреклонна. Тогда в один прекрасный день он просто повесился.

Не имея возможности заниматься дочерью, ввиду большого количества работы, она передала ее на воспитание старшему брату своего мужа – Райымжану. Дядя определил племянницу в женскую гимназию. Но обучение не заканчивалось гимназией. Умрахия занималась и дома, со своими двоюродными сестрами. Утро начиналось с гимнастики. Девушки укладывали на плечи палки, складывали на них руки и ходили по кругу, периодически перекладывая своеобразный тренажер на спину и придерживая локтями. При этом они обязаны были держать спину ровно, голову высоко минимум полтора часа. Потом гуляли по городу, обязательно в сопровождении кого-нибудь взрослого, который шел позади и наблюдал, чтобы девушки смотрели только вперед – поворот головы в сторону считался верхом неприличия. Девушкам было запрещено заходить на кухню и в подсобные помещения: дядя считал, что это не достойно их статуса и положения. Вторая жена Райымжана была женщиной умной и немного хитрой. Нет, она не была злобной мачехой из сказки – ее любили. Когда глава семейства покидал дом, она становилась предводителем шайки бандитов, и, – о боже! какой ужас! – тащила девушек на кухню!!! Невиданное святотатство... Там она учила их готовить, мыть посуду, заниматься уборкой. При этом всегда говорила: «не знаешь, как повернется жизнь. Возможно, это вам пригодится». Как же она была права – все чему учила, пригодилось...

Как-то раз, приехал дядя домой после очередной поездки, ближе к ночи, стал советоваться с женой:

– Знаешь, времена настали смутные. Я боюсь за себя, за тебя и за дочек, чувствую, что-то будет, а что не пойму. Не знаю, как защитить вас...

– Я думаю, надо нам расселиться.

– ???

– Ты не переживай, – улыбнулась она – я останусь с тобой до конца. А вот дочерей надо выдать замуж. Так у них будет шанс. Если они будут с тобой, то, скорее всего, не поздоровится всем. Ты же знаешь, как эти революционно настроенные люди говорят о зажиточных людях... Я боюсь, что это только начало. Думаю, для начала тебе нужно поехать в Китай и обосноваться там, потом я приеду к тебе.

Делать было нечего, решили так и поступить. Девушек по-быстрому выдали замуж. На свадьбе одной из дочерей Райымжан подозвал к себе племянницу и спросил:

– Замуж пойдешь?

– Пойду, – даже не подумав, ответила она.

Они выдали ее замуж, но на приданное уже не так много осталось. Ей наполнили саукеле² золотом и отправили восвояси.

На родине

Приехав на родину, Сеит-Баттал устроился на работу учителем, параллельно печатался в различных местных печатных изданиях, а также принимал активное участие в политической жизни «Алаш-Орды»³. Спустя несколько лет встретил близкого друга. У них состоялся странный разговор:

– Тут надо бы помочь людям, – начал Камбар, потупив взгляд. Он чувствовал себя сводником – не пристало мужчине заниматься такими делами. Но на кону, возможно, стояла чья-то жизнь.

– У них есть племянница, красавица, ей нужен муж.

– Ну хорошо, а при чем здесь я? – удивился новоиспеченный педагог – у меня в планах нет женитьбы, работы очень много, мне дня и ночи не хватает.

– Ну понимаешь, они из состоятельных людей, а на таких сейчас охотятся. Им бы пристроить племянницу. Можешь потом развестись, когда она встанет на ноги. Да ты их, скорее всего, знаешь – это племянница Райымжана...

– Да ты с ума сошел! Она же еще ребенок и, к тому же, младше меня на двенадцать лет! Мне с ней в куклы играть прикажешь что ли?

– Понимаешь, если она останется в той семье, то может погибнуть. Сделай доброе дело, женись...

Еще долго они говорили об этом и, наконец, невольный сводник уговорил товарища жениться, но с одним условием – тоя⁴ не будет. В назначенный день невеста просто переступила порог своего нового дома. Вид у нее был испуганный, муж показал ей комнату, а сам удалился в кабинет. Умрахия не так себе все представляла и от обиды проплакала до утра.

Встав утром, новоиспеченный муж почувствовал вкусный запах еды. Выйдя в столовую, увидел накрытый стол, за ним сидела его жена.

– Это ты приготовила? – спросил он.

– Да, конечно, а кто же еще? – обижено проговорила она.

– Просто мне говорили, что дядя не подпускает вас к кухне и...

– Так и было. Но его вторая жена учила нас всему, втайне от него, – не дала договорить рассерженная Умрахия.

– Ты не обижайся, для меня наша свадьба неожиданность, да и с новыми людьми мне тяжело сходитьсь.

– Я могу переехать в твою комнату?

– Давай пока поживем в разных. Привыкнем друг к другу, – покраснел он. Вообще он надеялся, что все утрясется само собой и девушка никогда не зайдет к нему...

Вскоре Умрахия прославилась как хорошая жена, соседи ставили ее в пример своим дочерям. У нее всегда было чисто, готовила она просто великолепно, учила ее татарка. А татарки, как известно, готовят очень вкусно – таких блюд в этих местах не видели. Новые подруги приходили и учились хитростям кулинарии. Особенной популярностью пользовались такие татарские блюда как беляши (вак бэлиш), учпучмак (эчпочмак) и, конечно же, сладости – коштеле, чак-чак. Между делом жена доучилась, и стала работать в школе. Постепенно Сеит-Баттал привык к ней, и через некоторое время у них родилась дочь.

Работал Мустафин на учительских курсах в техникуме и был учителем в школе. Деятельность его не ограничивалась преподаванием. Он занимался политической деятельностью, переводами с турецкого языка, писал книги, статьи в газетах и журналах, изучал историю. В нем жил тот юноша, который стремился к знаниям и старался передавать их другим. Как и большинство педагогов того времени, он пытался облегчить путь к знаниям подраставшему поко-

лению. Как-то, возвращаясь домой из командировки, он увидел маленького горбатого мальчика лет шести, который читал обрывок старой газеты.

– Здравствуй! – обратился он к нему, – что ты делаешь?

– Здравствуйте, ага⁵! Я читаю газету, – последовал ответ.

– А можешь вслух прочитать? Я тоже хотел бы узнать, что нового есть на свете.

Мальчик медленно, запинаясь прочитал текст.

– Скажи пожалуйста, кто тебя научил читать?

– Никто, – пожав плечами, ответил ребенок

– Можешь проводить меня к твоим родителям? Мне хотелось бы с ними поговорить, – спросил Сеит-Баттал.

Мальчик привел странного человека домой. Педагог увидел старую юрту, в которой дыр было больше чем кошмы. Было видно, что семья бедствует. Вышел отец мальчика.

– Ассалам Алейкум⁶! – поприветствовал он незнакомца.

– Добрый день! Вот увидел, как Ваш сын читает газету, и решил с Вами поговорить. Кто его научил читать?

– Да никто. Сам он. Где-то подслушал, где-то увидел. Мы – то не обучены грамоте, не можем научить, – потупил взгляд отец

– У меня есть к Вам предложение: я учитель, а ваш мальчик очень сообразительный. Отдайте его мне, я устрою его в интернат – там сытно кормят и учат наукам, он получит специальность, станет уважаемым человеком.

– Заходите попейте чаю, я посоветуюсь с женой.

Муж с женой совещались недолго, они знали его заочно. Ходили слухи, что учитель собирает детей и учит их. Кормить лишний рот было тяжело, так у мальчика будет крыша над головой. А поскольку он умен, может действительно, станет большим человеком.

– Мы согласны, берите его: мясо Ваше – кости наши, – согласились наконец родители.

Сборы были недолгими: сыну дали лепешку и немного курта⁷, больше ничего и не было. Некоторое время он жил у своего учителя, потом его устроили в интернат. Мустафин на всем протяжении обучения контролировал талантливого мальчика, даже когда он пошел учиться дальше. Этот ученик стал академиком и единственным, кто впоследствии, не побоявшись гонений, напишет: «менің ұстазым Сеит-Баттал гази Мустафин» (мой наставник Сеит-Баттал гази Мустафин). Это был не единичный случай. Педагог нашел много талантливых людей, многим помог.

Однажды он увидел, как один из молодых учителей очень строго, даже со злостью, отчитывал ребенка, а испуганный ученик явно не понимал, чего же все-таки от него хотят.

– Баке, ты же видишь, он тебя не понимает. Скажи ему на казахском языке, – заступился он за ученика.

Учитель ничего не сказал, только злобно посмотрел в его сторону и ушел. Вечером того же дня в город приехал друг Сеит – Баттала, Магжан. Они собрались у общего знакомого – директора местной школы. Посидели, поговорили о том, о сем. Утром Магжан уехал в Петропавловск. А через два дня вышла статья, в которой говорилось о собрании Алаш-ординцев, – среди них был Магжан Жумабаев, – которые планировали какой-то заговор. В другой газете вышла статья о педагоге шовинисте, который не позволяет проводить занятия на русском языке. Реакция властей была мгновенной, заслуженного педагога вызвали в НКВД к следователю. После короткого разговора его отпустили, заверив, что все это ошибка и ничего более.

Нурбике

– Коргамбек – ты мужчина, поэтому проследи чтобы Нурбике не хулиганила, спала на этой подушке и укрывалась этим одеялом. Хорошо? И еще, если вам будет угрожать опасность, защищай ее – наставлял своего племянника Сеит-Баттал, с самым что ни на есть суровым видом. Коргамбек, несмотря на свои пять лет, очень серьезно все выслушал и кивнул головой, выражая согласие.

– Хватит плакать, ты же уже большая, – раздражительно сказал он, поворачиваясь к Нурбике – когда твою маму выпишут из больницы, мы приедем обратно.

– Ну ей всего четыре годика и к тому же она девочка, они часто плачут. Ее еще надо воспитывать, ты же с этим справишься? – чуть не рассмеявшись, заговорил дядя, но собрался и нарочито строго сдвинул брови.

– Конечно! Я же сильный!

– Габит, на вокзале тебя встретят, передашь им детей.

– Хорошо, ага.

Душный вагон с общей деревянной полкой, на которой все сидят, спят и едят. Очень много народу. Все с узелками, саквояжами. У девочки в руках кукла, периодически она тянет за веревочку и кукла резким прерывистым голосом произносит: Мама! Рядом сидит мальчик, и каждый раз строгим голосом говорит: «не делай так! Ты мешаешь людям». На что девочка показывала ему язык и произносила: «бе-бе-бе». Он злился, но сдерживался, поскольку считал себя старше и мудрее. Сопровождавший детей юноша стал поглощать сладкие булочки, таких лакомств он еще не видел. Некоторые были с черными крупинками, другие, внутри имели какую-то сладкую жижу красного или оранжевого цвета. Незаметно для себя съел все сладости. Дети наблюдали за этим действием, открыв рот. Никогда они еще не видели, чтоб кто-то мог столько булочек сразу проглотить.

– Как в него столько помещается? – спросила шепотом Нурбике

– Не знаю, может его мама не умеет готовить так же вкусно, как твоя? Или его просто никто не кормит, – так же шепотом ответил Коргамбек.

– Наверное, – согласилась перепуганная девочка – если он такой голодный, то нас не съест?

– Не, не съест. Он твоего папу боится...

Когда Габит сообразил, что сожрал все сладости, ему стало очень стыдно, и всю оставшуюся дорогу он прятал глаза. На вокзале передал детей встретившему их мужчине и поехал дальше по своим делам. Мужчина погрузил их в тарантас и повез к училищу. Остановился около одноэтажного здания, слез с повозки, пошел ко входу. Просунул в дверь голову и прокричал:

– Манап ага! Идите посмотрите на пассажиров!

На его крик вышли люди, посмотрели на детей, и тут поднялся дикий хохот. Картина действительно была комичной, ребята сидели с серьезными лицами. Девочка держала узелок, будто боялась, что его отберут, а мальчик прижимал к себе одеяло и подушку. Гостей разместили в общежитии. Обедали они вместе со всеми студентами в большой длинной столовой. Каждый, пытался угостить их чем-нибудь вкусеньким или просто поиграть. Так они прожили до выходных.

В субботу, когда солнце еще не встало, они выехали, погрузившись на телегу с сеном. Дети тут же заснули. Ближе к обеду они подъехали к аулу. Детей удивили расположенные полукругом мягкие домики. Из самого большого, белого домика, вышел плотный, улыбчивый старик в длинном чапане³⁷, на голове у него была надета круглая тюбетейка. На самом деле ему было не больше сорока лет. Но для них он был самым настоящим стариком, да еще и с бородой.

– Ахан ата⁸! Ассалам алейкум! Сеит-Баттал ага положил тетю Умрахию в больницу, просил Вас присмотреть за его дочерью.

– Да, Манап, я в курсе. Он мне писал. Проходите в дом, отдохните с дороги. Завтра мы с тобой сходим на охоту!

– Да нет, Ахан ата, мне сегодня желательно уехать, работа меня ждет.

Они сели за скромный дастархан.

– Куда вы, молодые, вечно торопитесь! Останься хоть на один день! Расскажешь новости. Посидим, попьем кумыс⁹, поедим мяса. А то некрасиво получится – приехал издалека, а мы тебя не встретили, не накормили...

– Ну, это же не так!

– Выглядит именно так! Останешься до завтра, а то обижусь. – нарочито грозно проговорил Ахан ата

– Но мне к лекциям готовиться надо...

– Это вас в городе учат перечить старшим?

– Но Ахан ата! Я же...

Тут в разговор вмешалась Нурбике:

– Дядя Манап, мы же вместе завтра поедим домой? Вы же меня не оставите здесь?

Манап покраснел, не зная, что ответить. Он испугался, что девочка может обидеться, а врать не хотелось. Ахан ата рассмеялся, он вообще любил подтрунивать над Манапом, да и просто был весельчаком. Суровый вид нагонял на себя так, для солидности. Решив поддержать племянника, он сказал:

– Нурбике, он тебя не оставит, а пока пойдешь поиграй, отдохни. Ты же устала с дороги.

– Я не устала!

– Ну, тогда тем более, иди поиграй.

Мужчины еще долго сидели за дастарханом¹⁰, вели неспешную беседу. Нурбике развлекалась тем, что наблюдала за непонятной жизнью аула. Ее удивляло все то, что было обыденным для остальных. Впервые она увидела, откуда берется молоко. Увидела баранов и коз, они были почти такие же как на картинке в книжке. Не обязательно лошадь запрягать в бричку или двуколку, оказывается, можно садиться прямо на нее! Как и для любого другого ребенка, ей каждая минута готовила новое открытие. Тем более, что она попала в другой мир, с другими законами.

Понаблюдав за «тетеньками», лет пятнадцати-шестнадцати, она пошла за ними к роднику. Дернула за веревку и тут раздалось: Мама! Девушки от неожиданности дернулись. Нурбике понравилось, что ее кто-то испугался. Она снова дернула за веревочку. Девушки с воплем: «Шайтан¹¹! Шайтан!» – стали убегать. Так они еще долго бегали, подыгрывая приезжей девочке, которая на полном серьезе считала себя и свою куклу очень грозными. Коргамбек же занялся скотом, и, по мере сил, пытался помочь по хозяйству. Он скорее мешал взрослым, но ему терпеливо объясняли, что и как нужно делать. Закончился день, полный впечатлений, за ужином. Уснули дети прямо за дастарханом...

Последнее запомнившееся событие, произошло ранним утром следующего дня. Манап собрал мешок и пошел за дверь.

– Дядя Манап! Вы куда?! – догнала его Нурбике.

Манап стоял красный, не знал куда девать глаза, он думал, что ребенок еще спит. Но тут подоспел Ахан ата.

– Так я его в соседний аул послал, надо передать туда очень важную вещь.

– Тогда я с Вами, дядя Манап!

– Ему надо очень быстро туда идти, он сходит и придет, а ты пока его здесь подождешь.

– Ну хорошо, я на этом камне посижу подожду, – демонстративно сложив руки на груди и обиженно надув губки, согласилась Нурбике.

Она смотрела, как он идет в степь, прямо на восход солнца. Он шел, шел и шел, пока не скрылся за холмами. А Ахан ата сел на телегу и поехал немного в другую сторону. Нурбике было невдомек, что они встретятся и поедут к училищу. Девочка еще долго сидела на камне, пока ее не сморил сон. С Манапом они увидятся только через два месяца, но его не простят еще долго. А происшествие это запомнится навсегда...

Нурбике была рада, вернуться домой к своему суровому, молчаливому отцу и матери. Как обычно, вставая утром, под подушкой находила кулек с конфетками, потом завтракала с папой. Обычно, если он был дома, они ели вдвоем, он больше молчал, а она болтала без умолку. Потом Сеит-Баттал уходил на работу, а дочь гуляла по городу с деревянными тротуарами, сопровождаемая нянечкой или мамой, шлодила как все дети: например, по вечерам, закидывала золотые ложки в понравившуюся дырочку в полу. Когда приходил отец, они вдвоем шли в столовую. Для девочки это был целый ритуал, праздник. И готовилась она к нему очень тщательно: волосы должны быть аккуратно причесаны, платице чистое, глаженое. Вечером папа читал ей перед сном сказки, которые сам же и написал. Это самые теплые и чистые воспоминания, которые она пронесет через всю свою жизнь. Потом настали тридцатые годы, начался голод, правда семьи это не коснулось. Как-то раз, пришлось поехать с отцом по делам на окраину города, и там девочка увидела страшную картину: по обочинам и в арыках, лежали очень худые люди с открытыми ртами и бесцветными стеклянными глазами, а пальцы шевелились как пауки. Страшные, черные рты как будто жевали воздух, другие просто лежали как большие куклы. Отец объяснил: это проезжал театр, у них была дырявая повозка и куклы попадали на дорогу. Поверив в это глупое и странное объяснение, она успокоилась. Но на обратном пути ей пришлось увидеть, как ехала телега, груженная черным хлебом, тут к ней подбежал страшный, тощий, без половины зубов и весь в лохмотьях человек, схватив буханку, стал жевать. Старик, перевозивший повозку, пытался вырвать хлеб, но мужчина, вернее то, что осталось от мужчины, не отдавал. Кучер схватил плетень и стал хлестать грабителя. На помощь человеку с хлыстом пришли проходившие мимо люди. Несмотря на побои, это тощее существо, уже лежа на дороге в грязи, продолжало жевать и не отпускало свою добычу. Кое-как с грехом пополам удалось забрать то, что осталось от хлеба. Кучер сел в повозку и поехал дальше. Но во всем этом девочку удивила реакция самого кучера: отъехав от того места, где завязалась потасовка, он вдруг заплакал. Стало понятно – будь его воля, он отдал бы хоть всю телегу этому голодному, но по каким-то причинам сделать этого не мог. Так к ребенку пришло осознание того, что этот мир не так уж и радужен, и более того, он жесток. Теперь ее стали мучить кошмары, ей снились страшные руки пауки и черные рты. Эти сны будут преследовать ее на протяжении десятилетий.

В тридцать седьмом году в город, где они проживали, приехал давний друг Сеит-Баттала – Магжан. Они встретились, посидели в доме общего знакомого, директора местной школы. Вечером разошлись по домам. А через несколько дней вышла статья в местной газетенке: «Вот мол, на днях состоялось собрание местной ячейки алашординцев, на которой обсуждалась возможность свержения советской власти и вербовки в свои ряды местной молодежи». Грянул гром. Она помнит, что отец ушел куда-то утром, мать нервничала и не находила себе места. Когда пришел папа – его навещали какие-то люди, уговаривали срочно переехать в соседний район. Он отказался:

– Я сегодня разговаривал со следователем, он сказал, что эта статья ошибка и они во всем разобрались.

– Не стоит ему доверять, – убеждали его друзья – давай переедешь на пару лет, и все уладится.

– Не переживайте вы так сильно. Лучше послушайте, я сегодня дописал письмо благодарности турецкому народу, завтра отнесу его в редакцию. Оно написано стихами и мне хотелось бы услышать ваше мнение о них.

К сожалению, это письмо было уничтожено – произведение так и не увидело свет. Педагог, учитель и писатель по призванию, не мог поверить в то, что люди, занимающие такие серьезные посты, могут лгать. И если бы он тогда уехал, все действительно уладилось бы – по тем временам, если ты переезжал в другой район, даже в соседний, тебя просто не искали и забывали про заведенное дело. Откуда мог знать об этом человек, полагавший и учивший детей, что честь и совесть превыше всего... Вера в людей, в их слово подвела. На следующий день, в обед, приехала черная машина. Из нее вышли люди в кожаных плащах и направились к дому, ведя его под руки, в наручниках. Эти люди, перевернули дома все вверх ногами, все что-то искали, кричали на отца, он стоял в центре комнаты и было видно, что ничего не понимает. В комнате Нурбике, за ее столом, сидел человек в желтой форме милиционера, с рыжими усами и перебирал ее тетради, очень внимательно всматривался в каждую страницу.

– Что Вы там ищите?!? Не видите – это мои тетради! – возмутилась она.

– Простите, больше не буду – милиционер смутился и покраснел. Из всех здесь находящихся он был, видимо, самым интеллигентным. По нему было видно, что все это для него в тягость, и скорее всего, у него просто не было выбора.

Когда Сеит-Баттал собрался, жена хотела дать ему узелок с едой, и он вопросительно посмотрел на старшего.

– Папа, что вы на них смотрите! Просто берите! Да кто они такие! – плача, возмущалась дочь. Она никогда еще не видела, чтобы отец чего-то боялся или у кого-то что-то просил. Девушка всегда помнила его сильным и независимым, впервые он выглядел слабым и беззащитным. Его вывели и посадили в автомобиль, в тот же день, арестовали попавшего под горячую руку директора школы, а в Алма-Ате Магжана Жумабаева. Когда весть об этом распространилась, пришли люди и стали помогать: кто-то договаривался о подводе, кто-то собирал вещи. Умрахия не могла пошевелиться, женщина просто смотрела в пол, плакать уже не было сил. Нурбике не могла сидеть дома, не было ни желания, ни возможности собираться. Взрослые все делали сами и, стараясь сделать все быстрее, не подпускали к сборам девушку. Одевшись, она пошла туда, куда они собирались переехать. Дорога была долгой, нужно было пройти двадцать километров по ночи, в лютый декабрьский холод. Она была изнеженным ребенком, родители баловали ее, отец всегда контролировал, чтобы дочь была тепло одета, шарф должен быть завязан так, чтоб закрывал лицо до глаз, обед вовремя, сон вовремя, подъем вовремя, на прогулку обязательно в сопровождении старших. А тут первый выход, в полном одиночестве. Естественно, шарф был не повязан, шубу застегнула не до конца – так и шла, проплакав всю дорогу. Последнее, что запомнилось – это избушка, открывается дверь, какое-то лицо в тумане и темнота. Потом появляются люди в кожаных плащах, кидают ее на печь и все вместе наваливаются на нее. Они смеются недобрым смехом, дышать невозможно, лицо, рот, нос забиты какой-то горячей ватой. Печь прожигает тело, потом ее топят в проруби – холодная вода обжигает и опять невозможно дышать. Дальше ее подвешивают за ноги и начинают сильно качать, кровь приливает к голове, думать становится невозможно, ее раскачивают все сильнее и сильнее. Милиционер в желтой форме, без лица, только с рыжими огромными усами, качает головой и говорит: «Извините, мы больше не будем» и начинает рвать ее тетради. Тут она просыпается. Такое ощущение, что сон продолжается, комната продолжает кружиться, но дышать стало легче. Губы и рот пересохли, при попытке что-нибудь сказать язык будто трескался. Рядом с кроватью стоит мама с каким-то мужчиной, у него в руках трубочка.

– Она пришла в себя. Кризис миновал, давайте ей больше теплого питья, – произнес он, – а завтра я приду и проведу осмотр. Да не переживайте вы так сильно, все будет хорошо! И проследите, чтоб ваша дочь больше не переохлаждалась.

Проводив врача, мать вернулась к дочери, села глядя куда-то в пол, потрогала лоб своей прохладной рукой. Стало хорошо и спокойно.

– Мама, я долго спала?

– Три дня... – последовал ответ

Пока дочь болела, мать уволили с работы. Чтобы хоть как-то прожить, она сдала дом семье, которую выкинули из квартиры прямо на улицу. Их отца тоже арестовали. Это была женщина с двумя детьми. Она решила зиму перезимовать, а потом ехать к родным на юг. Сами же переселились к дальним родственникам. Но, как-то ночью, пришли люди в черных плащах, искали Умрахию и Нурбике. А поскольку их не оказалось, то взяли тех, кто был в доме. Отправили в «АЛЖИР³⁹». Естественно, мать разлучили с детьми. Через пятнадцать лет она вышла и вернулась, но детей так и не нашла. Поняв, что домой возвращаться нельзя, Умрахия продала дом – на эти деньги и жила. Когда их стало не хватать, потихоньку в ход пошли золотые украшения, в основном те, что Умрахия получила в приданое. Так у Нурбике закончилось детство.

Дочери врага народа тяжело живется, все пытаются указать на твоё место, запугивают. В классе было три ребенка: один из раскулаченной семьи, у другого отец был британским шпионом – бог его знает, почему он находился в такой глуши, где особых секретов – то нет, и Нурбике. Их всех усадили за заднюю парту. Последней каплей стало одно происшествие: ребята были запуганы, боялись лишнее слово сказать. Тут, за передними партами, ученики что-то не поделили, зашумели. Учительница повернулась к классу. Естественно, она все видела, но произнесла: «Эй, вы, там, на галерке! Хватит вредить классу!» После этого случая она решила уйти из школы. И поступить в техникум. Там было не так страшно, как в школе. Никто не пытался припомнить, что ты дочь врага, никто не унижал и не издевался. Вместе шли на занятия. Вместе гуляли. Особенно всем нравилось купаться на озере. Десять километров туда и десять обратно. Дорога проходила незаметно. Все дурачились, кто-то собирал ягоды своим девушкам, кто-то цветы... Во время одного такого похода им повстречался юноша, довольно высокий и сильный. Девушки подтянулись, парни напряглись. Он поздоровался и обратился к Нурбике:

– Я Вас, кажется, знаю... Умрахия апай – Ваша мама?

– Да. Вы ее откуда знаете?

– Она была моей учительницей.

После этого короткого разговора он развернулся и ушел. Станный он какой-то, подумалось тогда ей. Ребята еще долго подшучивали, мол нашла молодка любовь, теперь не будет ночей спать, ждать суженного. А Сатыбай шел и думал, как же он не замечал, что дочка его учительницы такая красавица.

Бигайша

Свадьбу провели, как и полагается, весело. Было много хороших пожеланий, особенно радовались родители Бигайши: их дочь выбрала себе в мужа хорошего, уважаемого человека. Он был известным ювелиром – люди издалека приезжали к нему, чтобы заказать украшения. Правда, жил он в доме, который стоял особняком в степи, но на то были причины. Работа у него была порой шумная, и чтобы никому не мешать, жил подальше от людей. Никто не сомневался, что молодые проживут долго и счастливо. Но, спустя три дня после свадьбы, случилась беда. Ночью Бигайша проснулась, услышав разговор, на улице. Он шел на повышенных тонах.

– Ты что пристал к нам? Сказали же, что заплатим, значит заплатим, – произнес неизвестный голос.

– Так, когда заплатите? Я выполнил заказ еще год назад. Потратил очень много материала, сейчас мне уже работать не с чем.

Молодая жена вышла на улицу. Там, помимо ее мужа, стояло еще человек пять, она узнала этих людей – жили они по соседству с ее родителями, и семья у них очень зажиточная. Никак не могла понять – почему не хотят платить? У них денег столько, что в волости таких семей только пять или шесть найдется. На самом деле, все было очень просто – жадность. Жадность, затмевающая человеческий разум, лишаящая чести и совести.

– Тебе же сказали, как будут деньги, так сразу и отдадим. А ты ходишь и жалуешься всем, еще и к судье ходил. Зачем?

Бигайша хотела вмешаться, но на нее посыпался град ударов, от побоев она потеряла сознание. Очнувшись, увидела висящего на дереве мужа... Она испугалась настолько, что не могла даже крикнуть. Глотая слезы, привела коня, забралась на него и попыталась, как можно осторожнее, снять супруга с дерева. Женские руки не выдержали и тело просто упало на землю. Спрыгнув с лошади, стала колотить своего мужа по щекам, трясти, пытаюсь привести его в чувство. Поняв, что ей не справиться, поскакала за помощью. Начиная с этого момента, ей пришлось обивать пороги различных государственных учреждений, пытаюсь привлечь к ответственности виновных в смерти ее мужа. Она никак не могла взять в толк: почему нельзя поймать людей, совершивших убийство, хотя известны их имена и где они живут. Во время одного из посещений задала этот вопрос следователю. Он ответил ей, что нет никаких доказательств их вины, кроме ее слов. Вышла на улицу, очень долго стояла, глядя в одну точку и не двигаясь с места. Тут она увидела убийц своего мужа и испугавшись, спряталась за угол. Они приблизились к зданию и стали чего-то ждать. Некоторое время спустя, к ним вышел следователь, а за ним судья с каким-то человеком. Тепло поздоровались, как близкие друзья и начали свой разговор.

– Господин судья, что там с нашим делом?

– О каком именно из наших дел Вы спрашиваете? – хитро прищурился судья

– Да я об этой, жене ювелира, все никак не успокоится, радовалась бы, что жива осталась.

– Так там никаких улик нет, никого мы найти не можем. Скорее всего, он сам повесился, а жена его умом тронулась – вот и мерещится ей разное, – улыбнулся он. И продолжил, повернувшись к незнакомому ей мужчине:

– правда, она может пойти к прокурору, может он ей чем-то поможет?

– Вы знаете, некогда мне тратить время на всяких сумасшедших баб. Как придет, так и уйдет, – ответил холеный, с лоснящимся лицом и мерзкими рыжими бакенбардами, мужчина.

– А не отдохнуть ли нам от трудов праведных. Можем пойти ко мне, обед уже, наверное, сготовили. Там и поговорим, – вмешался в разговор следователь.

– И то дело, проголодался я что-то, – ответил прокурор.

Они стали медленно удаляться по улице, а Бигайша, еле сдерживая слезы, сползала по стенке. Поняла – никогда ей не добиться правосудия, никогда не будет отмщен ее покойный супруг. Придя домой, легла на кровать и лежала так несколько дней, словно ее свалил тяжелый недуг. Но, спустя некоторое время, она собралась и стала жить обычной жизнью, смирившись со своей потерей и тем, что у нее не будет семьи – ведь никому не нужен «порченный товар». Жалела только о том, что не успела завести детей, так хоть какая-то радость была бы в ее жизни. Но она ошибалась. Через пару лет у нее появился мужчина. Правда, она не восприняла его всерьез – он постоянно рассказывал о каких-то небылицах. О том, что скоро вся власть перейдет к народу, о том, что все будут равны: и правители, и генералы, и простые люди. О том, что все будут учиться и образование будут давать бесплатно, о том, что люди полетят к звездам и луне. И еще много о чем. Когда он стал за ней ухаживать, она отвергла его ухаживания по двум причинам. Во-первых, ее все считали проклятой, да и она сама в это верила; во-вторых, этот мужчина был младшим братом ее покойного мужа. Видела она его все лишь раз, на своей свадьбе. Тогда их представил друг другу жених:

– Вот Бигайша, знакомься – мой братишка. Специально приехал на нашу свадьбу, он далеко живет, работает путейцем. Очень уважаемый человек.

– Ну что ты говоришь, – только и промолвил Мукаш, покраснев. Тогда Бигайша решила, что он очень скромный и стеснительный парень. Но на самом деле, покраснел он от того, что влюбился без памяти в свою невестку. Потом весь вечер она ловила его взгляды на себе. Но не придала этому значения, посчитав это обычным любопытством.

Теперь же, перебравшись поближе, он стал частенько приходить к ней, пытаясь ухаживать, но она старалась избегать его компании. Родители и знакомые говорили ей: не портить парню жизнь – ты проклята, он может погибнуть, если свяжется с тобой. Но новоявленный ухажер был настолько настойчив, что она решилась прогуляться с ним по городу. Там он продолжил рассказывать ей всякие небылицы. Она только посмеивалась над ним – вроде умный человек, а верит в какие-то сказки. Тут от толпы отделился человек. При виде него Бигайша испугалась – это был один из убийц, по спине побежал холодок, она пыталась увести своего ухажера, но было уже поздно.

– Привет! Ты меня, наверное, не помнишь, я живу по соседству с ее родителями. Давай отойдем. Мне нужно с тобой потолковать, – обратился он к Мукашу.

– Здравствуйте. Ну, во-первых, мы с Вами не знакомы, и думаю, более правильно будет обращаться друг к другу на Вы. Во-вторых, от нее у меня нет секретов. Так что, можете смело говорить при ней.

– Ну, как хотите. Можно и при ней. Вы бы не встречались с ней. Она проклята, и ее муж с того проклятья помер.

– Я считаю, ваше поведение недостойным мужчины. На первый раз, я готов все списать на недоразумение. А сейчас извольте пропустить нас.

– Я же о тебе думаю, сдохнешь ведь, дурак! – схватив Мукаша за рукав, приблизившись настолько, что практически касался лица своего собеседника и дыхнув перегаром, прохрипел он.

Вместо ответа он получил несколько тяжелых ударов и повалился на землю. Бигайша практически теряла сознание от страха. Но спутник взял ее под руку и повел вдоль по улице.

– Зря ты с ним так. Это один из убийц твоего брата. Я их знаю, они очень подлые и мстительные, потом придут, и мы ничего не сможем сделать. А если его друзья пришли бы к нему на помощь?

– Не беспокойся так. Они достаточно трусливы, чтобы нападать при свете дня. А к их приходу, в другое время, я уже готов. Придет час и не останется у нас таких подлых людей. Кстати, интересные у вас соседи. Или – это мой соперник? Ты ему ничего не обещала? – подначил он ее

– Да какой соперник! – покраснела от негодования, – предлагал он мне с ним жить. Говорил: на тебя уже никто не позарится, а так хоть кто-то рядом будет.

– Ну что же, значит я был прав, он просто трус и подлец. Ты не бойся и на таких найдем управу – сдвинув брови и посерьезнев, сказал он

Ей почему-то стало спокойно и хорошо. Решив, что такой решительный и сильный духом человек сможет постоять за себя и за нее, решила-таки попытать счастья и выйти замуж во второй раз. Правда, в голове у него непонятно что творится, но возможно, со временем он повзрослеет. Свадьба была более чем скромной, после той родственники устроили дежурство около дома молодоженов. Мукаш смеялся над ними, Бигайша негодовала: они же о нас думают! Как он может так легкомысленно относиться к происходящему!

Стали потихоньку жить, заниматься своими делами. Прошло время и до города дошли изменения, установилась советская власть. Однажды, идя по своим делам, Бигайша увидела толпу людей. Они смотрели на конвой, который вел по улице людей, опустивших головы и смотрящих в землю. Среди них она увидела убийцу ее мужа в компании своих покровителей. Кровь бросилась ей в лицо, в приступе ярости она бросилась к задержанным, плюнула одному из них в лицо, другого схватила за волосы. Конвоиры еле оттащили ее в сторону. Она заплакала, наблюдая за удаляющимся конвоем. Проплакав некоторое время, успокоилась, на сердце полегчало, и она, наконец, смогла отпустить воспоминания о своем первом муже. Случилось, как и предсказывал Мукаш – все поменялось. Теперь люди стали учиться бесплатно, получать хорошие должности, и самое главное, – ее обидчики, наконец, были осуждены. После всего этого она стала смотреть на своего мужа, как на провидца. Вскоре у них стали рождаться дети. Но в результате голода двадцатых, а потом и тридцатых годов и последовавших за ним эпидемий, дети стали погибать. К концу тридцатых годов все вроде бы наладилось. Правда, в живых из девяти детей осталось только четверо. Но тут случилась другая напасть – война с Германией. Мукаш на войну не стремился, ему нужно было поставить на ноги оставшихся детей, да и возраст уже был не тот – далеко за пятьдесят. А вот старший из сыновей, которому только исполнилось шестнадцать лет, приписав себе два года, никому не сказав ни слова, убежал на фронт. Только записку оставил в день, когда отправился с эшелоном. Родители сильно переживали. Мать выплакала все глаза. Но времени на слезы не оставалось, надо было думать о трех оставшихся детях: двух девочках – Нурби и Калдыбала и сыне Турсунбеке. В сорок третьем году пришло известие о том, что их старший сын пропал без вести. Мать горевала. Это сильно подкосило ее, но она держалась еще два года. Заболела, когда муж получил должность начальника мельницы на станции Егенсу, находившейся близ небольшого городка Уштобе. Сразу после переезда слегла. Врачи не могли понять, что с ней произошло. Решили, что это из-за переживаний по поводу пропажи сына и порекомендовали ей просто отлежаться и ни о чем не думать. Но она и без этих рекомендаций была не в силах встать с кровати. Нурби, как старшая в семье, из-за болезни матери вынуждена была взять на себя все хлопоты по дому. Девятилетняя девочка доила коров, готовила сметану, взбивала масло, таскала воду для огорода, делала уборку в доме, готовила на всю семью. Помимо всего, еще нужно было учиться – отец очень строго следил за успеваемостью детей.

Ахметкали и Нурипа

Снег по колено, холодный ветер дует в лицо. Кажется, что снежинки сдерут кожу с лица, но нужно идти на юг. Там родственники, они помогут. Мальчик одиннадцати лет несет на своей еще не окрепшей спине сестру четырех лет. Они одни, вокруг ни души. У Ахметкали такое ощущение, что весь мир против него, но они не сдадутся просто так, они будут бороться до конца. Этот ребенок внешне, но мужчина по поступкам, помнит последние слова матери о том, что теперь он старший и должен позаботиться о сестре. Как и почему умерла мама, он не понял. Понял только то, что ее больше нет. Когда он попытался попросить помощи у соседей, обошел весь аул. Но везде были только тощие страшные трупы. У него никого больше нет, только дальние родственники, которые живут где-то на Балхаше, в поселке Лепсы. И еще неизвестно – там ли они, не переехали ли. Выбора не осталось, пришлось уходить. Сейчас нужно преодолеть холмы. Это тяжело – в желудке пусто, ноги болят от многодневного перехода, но это единственный путь. Ахметкали с Нурипой сделали привал у подножья. Мальчик с завистью смотрел на детей, катающихся с горки. Они выглядели сытыми и счастливыми.

– Клянусь, у нас с Нурипой все будет так же хорошо. Я сделаю все для того, чтобы мы были счастливы так же, как они – так он думал в тот миг. Этот переход он помнит смутно, а клятва отпечаталась в мозгу очень четко и ясно. Она прошла через всю его жизнь красной лентой. Но что-то привал затянулся, вставать не хотелось. Собрав волю в кулак, мальчик посадил сестру на спину, подвязал ее тряпкой для удобства, и они пошли. Подъем длился вечность, до вершины холма осталось совсем чуть-чуть. И тут, совсем неожиданно, их толкнули. Падая он думал – это случайно, но услышал смех и почувствовал пинки. Дети дружно, со смехом и пинками спустили этих оборванцев с холма. Для них – это было развлечение, своего рода цирк, а эти двое клоуны. Стиснув зубы и проклиная про себя этих дикарей, Ахметкали поднял плачущую сестру и понес в гору. Он сбился со счета: сколько раз вставали и шли? И каждый раз их скидывали вниз. Наконец эта забава наскучила маленьким варварам, и они разбежались по домам. Поднявшись на возвышенность, мальчик понял – дальше идти не смогут. Нашел удобное место между камнями, соорудил небольшое жилище. Достал посуду, набил ее снегом и попытался развести костер, но кресало¹² плохо держалось в онемевших руках. Пальцы сбились, когда наконец разгорелся костер. Растопив снег, он достал последнюю половинку лепешки и курт, часть лепешки и курт он отдал сестре.

Нурипа плакала. Ахметкали не знал, что делать. Сегодня из-за этой горы они потеряли полдня. Чем кормить сестру завтра? Он готов был расплакаться. Но мужчины не плачут – он что-нибудь придумает. Завтра расставит силки, может попадетсЯ какая-нибудь живность. Видимо, придется остаться здесь еще на день или два...

Алексей шел к дому, ему не терпелось рассказать, как он с друзьями повеселился на горках.

– Алеша, как покатались на горках? – спросила мама

Он рассказал, как они катались, как весело было скидывать с горы двух недоразвитых и что теперь они еще сто раз подумают, как соваться, куда не следует

– Зоя, ты уверена, что это мой сын? – сказал отец, беря ремень в руки, – Костя, сходи туда. Найди и приведи их, а я тем временем потолкую с твоим братом.

– Хорошо, батя.

Ахметкали снилась мать, она его трясла за плечо и пыталась поднять, но он никак не мог открыть глаза. Когда наконец глаза раскрылись, в свете угасающего огня показался силуэт двух мужчин. Ребенок пытался с ними бороться, но его скрутили сильные руки.

– Смотри, какой колючий, – услышал он голос.

– Ага, берегись, как бы нам ноги не переломали, – сквозь темноту прогудел второй голос.

– Не бойсь, не тронем. Ты что тут делаешь? Пошли с нами.

– Никуда я с вами не пойду!

– Да не кипятись ты так, подумай о сестренке. Это же твоя сестренка? Пошли с нами, переночуете дома, а потом решишь, как быть дальше.

Его не пришлось долго уговаривать. Перспектива поспать в теплом доме была гораздо лучше, чем мерзнуть в горах среди камней. Да и дети гораздо доверчивее взрослых. Будь он старше, возможно, и отказался бы... Константин с другом взяли спящую Нурипу, Ахметкали собрал свои нехитрые пожитки, потом они куда-то пошли. Зайдя в дом, он увидел одного из своих мучителей с холма и испугался. Думал, над ним будут дальше издеваться, и уже было пожалел, что согласился сюда прийти. Но тут мужчина с большими рыжими усами сказал:

– Здравствуйте, гости дорогие! Тут Вам кое-что хотят сказать...

Заплаканный маленький мучитель тихо произнес:

– Извините...

– Я что-то плохо слышу! – прозвучал голос мужчины с усами.

– Простите за то, что толкал вас с горы! – чуть не плача произнес Алексей.

– Хорошо, – робко произнес Ахметкали, прижимая к груди мешочек с пожитками.

– Ну, теперь за стол, а девочку положите на печь, она поест, когда проснется, – улыбаясь в свои рыжие усы, сказал глава семейства.

Ахметкали пытался сопротивляться, но сдался – есть сильно хотелось. На стол подали бульон зеленого цвета и вареную картошку. Он слышал, что русские варят траву, но ему и голову не могло прийти, что это правда. Не показывая удивления, стал есть. Первую ложку он еле засунул в рот, и... это оказалось вкусно! Попадались даже кусочки мяса. Расслабившись, он стал болтать. Рассказал, что да как, куда и зачем идут, как ему приходилось подрабатывать по дороге и охотиться. Хозяева внимательно слушали юного рассказчика. Укладываясь спать, мальчик бросил взгляд на печь, где спала сестра. За печью увидел Алексея, показавшего кулак. Но ему было все равно: он сыт и в тепле. Маленький бродяга такого блаженства не испытывал еще никогда. А Алеша, грозя кулаком и вынашивая планы по уничтожению врагов, вторгшихся в его стан, еще не знал, что это начало дружбы. Как и у всех мальчишек, их дружба началась с хорошего мордобоя...

– Может и хорошо, что мы застряли на этом холме, зато хоть одну ночь как люди, в тепле поспим, – подумал Ахметкали засыпая.

Утром, проснувшись и не поняв, где находится Нурипа, стала плакать. Но вкусно поев, успокоилась и снова заснула. Ее брат стал собирать вещи, глава семьи его остановил. Неизвестно, о чем они говорили. Дети остались. Тем более, что у Нурипы поднялась температура. Болела она долго. Видимо, не выдержал детский организм длинного перехода. Последствия этого похода сильно сказались на ее здоровье и позже, уже во взрослом состоянии, давали о себе знать.

Ахметкали ходил на охоту: расставлял силки и учил этому ремеслу своего друга. Когда они пришли с первым зайцем и лисицей, дядя Сережа воскликнул:

– Зоя, смотри, какие у нас теперь есть добытки! В свою очередь Алексей научил своего товарища ловить рыбу, варить странную похлебку, которая называется уха. Путешественник, стараясь быть полезным, колот дрова, таскал воду и на правах старшего заставлял все это делать Алексея. Все-таки, он взрослее него на два года и значит должен показывать пример. Конечно, не обходилось без ссор. Но если одного обижали соседские дети, то второй обязательно заступался. И не дай бог, кто-нибудь обидит маленькую королеву! Ему не сносить головы!

За зиму тетя Зоя и дядя Сережа очень привыкли к маленьким бандитам и хотели их оставить. Но дети были упрямы. Будучи при смерти, мама сказала: вы должны поехать к родственникам. Слово матери – закон. Надо выполнить обещание.

– Они же еще совсем дети, куда им идти? Пусть остаются у нас. Мы их примем в семью, – пользуясь тем, что дети спят, произнесла тетя Зоя

– Ну ты же видишь, какой парень упрямый. У меня один друг есть – служили мы с ним, он бывает в тех краях. Я ему написал, попросил узнать, живут ли там их родные. Как ответ придет, так и будем думать. А пока пошли спать...

– Может попробовать уговорить их? Будут у нас еще – сын и дочь, дочерей же бог нам не дал...

Как бы сильно ни хотелось тете Зое оставить детей, пришлось их отпустить. Пришло письмо: нашлись родные, детей хотят забрать. Делать нечего, собрали ребятам котомку, посадили на повозку, едущую в те края. Долго еще плакала тетя Зоя, да и дети не удержались, пустили слезу...

Сатыбай

– Сабыр одевайся, поехали! – сказал высокий статный юноша, обладавший богатырской силой. Он часто участвовал в различных спорах и соревнованиях среди своих друзей и зачастую выходил победителем. Споры порой бывали курьезные: свалить лошадь, ухватившись за ее хвост; сломать берцовую кость коровы или лошади кулаком: для этого укладывали ее на большое полено и обмотав руку тряпками, ломали одним резким ударом. Но, в основном, конечно борьба и велоспорт. Кроме того, Сатыбай, несмотря на свой юный возраст, был знатный охотник. В общем развлекался как мог. Оно и понятно, среди семерых братьев он был младшим, и ему многое было дозволено, хотя хулиганом его тоже нельзя было назвать.

– Саке, ты что? Солнце еще не встало! Куда ехать? – возмутился Сабыр

– Бери велосипед, надо в город съездить. К моей учительнице...

– Что?! До города пятьдесят километров! Какой велосипед? Давай договоримся с Кабаром. Он все равно туда после обеда собирается. Поедем на грузовике

– Ты мне друг? – нарочито грозно спросил молодой человек.

– Да, но...

– Вот и поехали. Заодно аркан возьми.

– Зачем?

– Так, на всякий случай.

Сабыр ехал, проклиная все на свете. В животе урчало, хотелось пить, ноги болели. В конце концов он сдался:

– Все! Я дальше не поеду! Привал!

– Не стоит останавливаться, потом будет хуже.

– И что? Ты меня побьешь?

– Нет, просто расслабишься, ехать станет тяжелее.

– Ну почему ты не взял кого-нибудь из своих велосипедистов? И мне легче, и тебе проблем меньше...

– Да потому, что ты высокий, даже выше меня и красивый...

– Конечно лестно – но при чем здесь это?!?

– Приедем – узнаешь. Давай сюда аркан.

Взяв аркан, молодой человек связал велосипеды между собой – теперь он мог тащить на буксире своего друга. Приехав в город, он освободил велосипеды от веревки. Они приехали на какую-то маленькую улочку и Сатыбай стал кататься по ней туда-сюда.

– Тебе что, заняться нечем? Мы в такую даль ехали, чтоб ты мог поездить по этой улице, что ли? – полулежа на небольшой лужайке, спросил Сабыр.

– Да нет же, ты ничего не понимаешь! Сейчас нас увидят и может пригласят попить чаю...

– Что-о-о?! – задыхаясь от негодования, произнес Сабыр. Он готов был убить своего товарища, – попить чаю?!? Да я с голоду умираю! Да я сейчас, да я сейчас...

– Слушай, я тебя прошу, если нас пригласят – чашка чая и ничего больше, а на обратном пути мы заедем в столовую, я тебя покормлю. Честное слово!

– А, Сатыбай! Добрый день! Заходи в гости и друга заводи, – прервала их спор статная женщина с гордой осанкой.

– Ой, здравствуйте! А я и не заметил, как мы оказались на вашей улице. Сейчас зайдем!

– Мы что? ... Не заметили, как проехали пятьдесят километров? Я тебя сейчас приблю! – прошипел Сабыр.

– Потерпи немного, потом я тебе все объясню.

Они зашли в дом, Сабыржан увидел девушку, которая недовольно хмыкнула и скрылась в соседней комнате.

– Саке¹³, я, кажется, догадался, зачем мы здесь, – прошептал молодой человек.

– Помолчи, – почти прохрипел утративший всю свою храбрость герой, ему казалось, что он даже стал ниже ростом

Они прошли на небольшую, аккуратную кухню. Долго беседовал учитель с учеником, а Сабыр изо всех сил пытался растянуть чашку чая на весь разговор. Да и ещё эта девушка сидела прямо напротив него и разглядывала его своим надменным, насмешливым взглядом. Он машинально потянулся к печенье, но его остановил резкий, тяжелый взгляд товарища. Рука дернулась от вазочки.

– Что случилось? – участливо спросила собеседница его друга.

– А-а-а... у меня судорога, мы просто долго катались, я не привык к таким нагрузкам, – произнес он, бросая полный укоризны взгляд на своего инквизитора.

На обратном пути они зашли в столовую. Один шел так, будто его придавило каменной плитой, второй практически летел, чувствуя, что у него выросли крылья...

– Послушай, Саке, что-то расхотелось мне есть, после такой прогулки хочется упасть и не вставать...

– А ты не расслабляйся, – задумчиво произнес юноша

– Знаю-знаю, потом тяжело будет ехать, – кряхтя и еле передвигая ноги, ответил Сабыр.

– Да нет. Просто завтра опять сюда приедем, – спокойно произнес Сатыбай.

– Да ты!!! Да ты... знаешь, что?!

О том, что было дальше, история умалчивает. Но очень часто, практически каждый день, жители города могли наблюдать двух странных велосипедистов. Один из них сыпал проклятья на голову другого. А проклинаемый, несмотря на то, что как минимум небо просто обязано его раздавить, и он должен испытать все десять казней египетских, имел весьма довольный и счастливый вид...

Сатыбай и Нурбике

После прогулки уставшая Нурбике пришла домой, собираясь готовиться к сессии. Тут мать позвала своего ученика и пришлось пить с ними чай. Тот, который пониже, был странный парень с дороги, второй все сидел и никак не мог расстаться с чашкой – было такое ощущение, будто его пальцы прилипли к ней. Он всю дорогу сопел и не разговаривал, а его друг оказался не таким уж и странным. По разговору чувствовался острый ум и веселый характер. Два друга стали частыми гостями в доме. Сабыр больше не сопел и пальцы его не прилипали к кесешке³⁶. Нурбике удивляло: вроде такие большие, а едят очень мало, самые худосочные парни с ее потока и то ели больше...

Познакомившись поближе, Нурбике пригласила, по настоянию мамы, Сатыбая на прогулку со своими друзьями – они ходили в поход на озерцо. Купались, играли. Ребята с курса пытались бороться с новым товарищем. Надя, как звали ее подруги, смотрела, как они дурачатся и вспоминала: отец в один солнечный день, когда ей исполнилось двенадцать лет, повел ее на ярмарку: там играла музыка, шла бойкая торговля – торговали всем подряд. Гуляли долго, он угощал ее сладкими петушками на палочке, из жареного сахара. Наконец подошли к группе людей, которые столпились вокруг импровизированного ринга. Ринг представлял собой натянутые белые ленты, образующие квадрат. В центр выходили мужчины, раздетые по пояс и в масках. Один был в красной, второй в черной. Победитель снимал маску и поднимая руки над головой, проходил по краю площадки, а проигравший покидал ринг – вместо него приходил другой борец. Пока они смотрели, все время побеждал борец в красной маске – никто не мог его одолеть, и Нурбике запомнила его лицо. У него был красивый кавказский профиль, большой нос, шикарные черные глаза, которым позавидовала бы любая девушка и аккуратная борода с усами. Сатыбай, бросая раз за разом ее товарищей через бедро и укладывая их на лопатки, напомнил ей того борца, только без бороды, усов и большого носа. Вечером она вышла на берег и стояла, смотря на заход солнца. К ней тихо подошел Сатыбай, накинул на ее плечи свой пиджак и обнял, осторожно поцеловав в затылок. Девушка не шелохнулась, словно не заметила, и теперь ее совсем не злили шутки подруг.

Однажды Сатыбай приехал к Нурбике и сообщил:

– Родители нашли мне девушку, хотят, чтоб я на ней женился...

Нурбике почувствовала, как к лицу прилила кровь. Злость накрыла ее с головой:

– Ну так иди и женись!!! – не дала продолжить девушка.

– Иди, зачем пришел сюда???

– Дай договорить. Я не собираюсь этого...

– Иди к своей девке, желаю вам счастья! – и залепила пощечину.

– Ах, так! Ну и пойду, и женюсь! – произнес юноша.

Горячая голова плохой советчик. Он действительно женился на девушке, которую не то что не любил, но даже никогда не видел. Прожили они недолго. Сатыбай внимательно следил за судьбой своей возлюбленной и когда узнал, что она получила направление на предприятие со страшным названием «Гинзолото», сильно занервничал. Он приложил много усилий, чтобы узнать, где находится это предприятие. Никто ничего не знал или не хотел говорить. Наконец, почти шепотом, ему сообщили завод находится в Иркутске. Сердце практически остановилось, тянуть дальше было нельзя. Он развелся и сделал предложение той, которую действительно любил. Она, для приличия, подумала некоторое время, решив его помучить. Пока дева думала, молодой человек извелся сам и извел всех родных, родители вообще боялись попадаться ему на глаза. Каждый день он дежурил у ворот ее дома. Девушка же, хмыкнув, проходила мимо, не говоря ни слова. В последний момент, когда он уже готов был пойти на крайние меры, согласие было получено. Свадьбу справили шикарно, вино и водка лились рекой –

на двадцать человек было аж две бутылки водки и три бутылки вина, на столе стояли бутерброды с колбасой – невиданная роскошь по тем временам. Нурбике переехала в дом мужа, там их встретила маленькая сухая старушка с палочкой, которая тем не менее передвигалась достаточно быстро и никогда не сидела на одном месте. Это была мать Сатыбая. Девушка тяжело адаптировалась к новой обстановке. Она привыкла жить в городе в общежитии, даже к родной матери приезжала не часто. Когда сели обедать, свекровь подвинула чашку с маслом сыну, он в свою очередь подал ее жене. Нурбике психанула, встала из-за стола и пошла к себе в комнату.

– Сынок, поговори с ней, узнай, что случилось, – попросил Хасен.

– Хорошо, пап, – ответил Сатыбай.

Пройдя в комнату, он спросил:

– Что случилось? Ты почему ушла?

– Мне не понятны эти церемонии: зачем постоянно передвигать чашку туда-сюда? Что за выходки?

– Это не выходки! Это элементарное выказывание уважения и заботы! А то, что ты встала из-за стола – вот это выходки! – Сорвался на крик мужчина.

Все закончилось ссорой. Откуда девушке, которая фактически ушла из дома в четырнадцать лет, знать тонкости семейной жизни. И это был не единственный конфуз. Как-то раз собрались гости. Накрыв на стол и посидев за ним некоторое время, невестка покинула его, удалившись к себе, – решив, что главное сделано и теперь она может пойти отдохнуть. Гости переглянулись. Когда они разошлись, снова разгорелся вселенского масштаба скандал. Неизвестно, чем бы все закончилось, но молодой семье помогло государство: на работе мужа выделили дом, куда они и переехали.

Началась война. Сатыбай пошел в военкомат, но ему объяснили: работа на таком объекте, как железная дорога, является более важной, чем еще один неопытный солдат, и отправили домой.

Нурбике пыталась заниматься домашним хозяйством, к ним переехала Галина -ее дальняя родственница. Муж на работе получал спецпаек – она не знала, что с ним делать. Там были американские консервы, сухофрукты, варенье, мешками крупы, мука и т. п. На двоих слишком много, большую часть раздавали соседям. К тому же молодая хозяйка, в отличие от своей матери, не умела готовить – привыкла питаться в столовой. Чтоб приготовить то или иное блюдо, бегала к соседкам и молча смотрела, что да как. Показательным является случай: когда был приготовлен суп, дождалась мужа, накрыла на стол. Он стал есть и хвалить хозяйку, говорил, что все очень вкусно. Она присоединилась к трапезе, зачерпнула ложкой и отправила в рот. Но не смогла проглотить – еда была невероятно соленой! К чести супруга – нужно отметить это его качество – он никогда, ни разу за всю свою жизнь не критиковал еду, которую готовила любимая. Постепенно быт налажился, жена научилась более-менее сносно вести хозяйство. Ближе к зиме им выделили уголь и дрова. Проблема была в том, что ни Сатыбай – младший сын в семье, ни она – единственная избалованная дочь, не умели разжигать угольную печь. Они сложили уголь в печь, сверху накидали дров взяли спички и долго крутились около печи. Дрова сгорали, а уголь никак не хотел разгораться...

Нургазы

Нургазы в память о своем отчине, который приютил их с матерью, когда ему было всего десять месяцев и воспитал как своего родного сына, взял фамилию Касабулатов. Он выучился на сапожника, устроился на фабрику и стал отличным мастером. Люди прослышав о хорошем сапожнике, приходили к нему, шили обувь на заказ. Заказы приходилось делать на дому, после работы, и это приносило неплохие деньги. Иногда, когда у заказчиков не было наличности, они могли расплатиться продуктами: мясом, мукой, маслом или чем-нибудь еще. Женился на девушке по имени Макфуза, татарке, приехавшей сюда с семьей из Башкирии. У них родились четыре ребенка: две дочери – Марзия и Амангайша, и два сына – Бахтияр и Мухамедсадык. Правда, отец хотел назвать сына Сакубай, но Макфуза, когда шла получать метрику, проходила мимо мечети, и в этот момент из нее послышалось пение азана¹⁴. Решив, что это знак, назвала его Мухамедсадык. Естественно разгорелся страшный скандал. Отец стал называть сына Сакубай. Когда Сакубаю исполнилось шесть лет, Нургазы ушел на войну. Вскоре вернулся, поскольку его ранило и оторвало три пальца. Вернувшись с фронта, устроился на свою старую работу. Макфуза вдруг стала закатывать скандалы, до нее доходили слухи о его изменах, Нургазы сначала отшучивался, потом стал объяснять, что ничего подобного не было. Жена же, видя, что мужчин не хватает, охотно верила рассказам «доброжелательниц». Дошло до того, что она стала приходиться к нему на работу, дабы проконтролировать его, расспрашивала коллег о том, что он делает, куда ходит. Не выдержав такой обстановки, Нургазы попросился на передовую. Ему отказали, но на следующий день пошел еще раз, потом еще, и еще, и еще. В конце концов, добился отправки на фронт, и вскоре погиб. Его похоронили в братской могиле около села Куракинское, под Орлом. Макфуза, чувствуя свою вину перед мужем, стала называть Мухамедсадыка Сакубай. После ухода Нургазы жизнь стала невероятно тяжелой, еды катастрофически не хватало. Матери, чтобы прокормить детей, пришлось по ночам, тайком, ходить на поле с пшеницей, за десять километров и собирать колоски. Хорошо, если удавалось насобирать одну-две горсти пшеницы. Придя домой, поджарив зерна на сковородке, раскидывала их по шубе из овчины. Дети кидались к ней, собирали по зернышку и закидывали в рот. Так она пыталась сохранить их желудки от резкого переедания. Ни одна ночь в то время не прошла без слез. Она кляла себя за свое отношение к Нургазы, которое вынудило его уйти. Каждый день она думала о том, что пусть бы он был рядом, ведь ничего из того, что о нем говорили, так и не подтвердилось. Да даже если бы это было правдой – знай она тогда, как повернется дело, она бы окружила его заботой и лаской, она бы стала самой любящей женой, она бы... Но было слишком поздно. Помощь пришла, откуда ее никто не ждал. Сакубай оказался очень смышленным мальчиком, и, пойдя в школу, стал заниматься «коммерцией». Коммерческая деятельность заключалась в том, что он делал домашние задания детям, из более-менее зажиточных семей, а они, в свою очередь, отдавали ему свои обеды: кто яйцо, кто бутерброды, кто куриную ножку. Вечером, придя домой, отдавал все это маме. Она же, в свою очередь, разделив гостинцы на равные порции, отдавала детям. Пока они ели, мать смотрела на них из другой комнаты и потихоньку плакала.

Война и плен

В военкомате Ахметкали собирались отправить на летные курсы. Но узнав, что придется учиться шесть месяцев, он добился перевода в пехоту – боялся, что не успеет повоевать. Тогда он не знал – это начало самой кровавой войны в истории...

Сначала приехали в Алма-Ату, там чего-то ждали, потом поехали дальше. По дороге были ссоры, заводились знакомства, молодые люди легко относились к своему положению – они были уверены, что быстро и играючи одолеют противника. Многие из них – охотники, участники соревнований по стрельбе. Приехав на передовую, сразу же получили команду атаковать и захватить вражеские укрепления. Он помнит – как бежали, как кричали: «ураа!!!», как увидел полусидящего в окопе немецкого солдата, у которого, по всей видимости, закончились патроны. Ему подумалось тогда: совсем молодой, на вид младше меня. Он навел на него свое оружие, солдатик прикрыл лицо руками. Пальцы не слушались – указательный трясся, словно в лихорадке, остальные сжали оружие так, что казалось еще чуть – чуть и приклад и все остальное разлетится в щепки. Не смог нажать на курок – стрелять в человека совсем не то, что стрелять в дичь. Пауза затянулась. Светловолосый парень усилием воли оторвал руки от лица и взглянул в глаза врагу, который должен был его убить, сердце рвалось из груди, руки и ноги тряслись. Как ни пытался он унять дрожь, она его не покидала. Все это длилось секунд десять – пятнадцать, но обоим эти секунды показались вечностью. И тут советский солдат не выдержал, кивнул: мол, беги – я тебя не трону. Немец не стал медлить и побежал, догоняя отступивших товарищей. Ахметкали спрыгнул в окоп, ноги подкосились, его состояние было ничуть не лучше, чем у отпущенного. Было такое ощущение, будто он постарел лет на сорок, и не потому что шел в атаку, а из-за того, что едва не убил человека.

– Я все видел, – услышал он над головой.

– А-а-а, Саня. Ну, так доложи куда следует.

– Не доложу, я сам не смог выстрелить. Оказывается, стрелять в человека не так просто, а я думал, вернусь домой героем...

– Не переживай, будет еще шанс.

– Слушай, тут такая грязь, а сапоги у них начищены до блеска. А посмотри на того, – кивнул он в сторону, – этот вообще, видимо, на кухне работал. Смотри, даже фартук снять не успел – он у него прямо белоснежный. Тебе это не кажется странным?

– Ну... – он не успел ответить

Тут они услышали крик:

– Танки по правому флангу!!!

Ахметкали почувствовал удар, как будто стукнули подушкой, все вокруг потемнело. Послышался паровозный гудок. Он гудел так громко, словно хотел просверлить мозг. К горлу подкатила тошнота. Открыв глаза, увидел Саню и своих товарищей. Все сидели либо лежали на земле. Без оружия.

– Где мы, Саня?

– Где-где? В плену!

– Как же так? А остальные куда подевались?

– Половина погибла, часть из оставшихся в живых здесь, другие отступили...

– Долго мы здесь?

– Не знаю, наверное, часа три.

Тут к ним шепотом обратился один из пленников:

– По команде лейтенанта бросаемся на ближайших «Гансов», забираем оружие, которое сможем и бежим в лес. Там скроемся. Все поняли?

– Да, – так же вполголоса ответили они.

– Хорошо, они еще документы не успели забрать, – пробормотал Санек.

Команда прозвучала громко, как пушечный выстрел – возможно, так показалось из-за контузии. Началась суматоха, завязалась потасовка. Обезоружив часть конвоиров, бросились в лес. Почти у самого леса Александра ранили. Товарищ оттащил его в чашу, прошли еще примерно пятьсот метров. Там сделали привал, в полной уверенности, что солдаты побоятся войти в лес. Разорвав нижнее белье, стали перевязывать раны. Но за ними была организована погоня. Фрицы шли шеренгой. Поскольку бежать не было возможности, они попытались спрятаться в кустах, за упавшим деревом. Солдаты приближались, Ахметкали сжал в руках пистолет и направил в сторону приближающегося врага. Шеренга шла бесконечно долго, наконец приблизилась почти вплотную. Стрелять значило погибнуть, поэтому надеясь на то, что их не заметят, парни не стреляли, ждали до последнего. Тут приятелей заметил солдат, замешкался. Узнал того, кто пощадил его утром. Приложив палец к губам, дал знак не шевелиться. Ему что-то кричали, он ответил потирая ногу так, будто она у него болела. Отряд прошел дальше. Когда он отошел на достаточное расстояние, новый друг кинул беглецам небольшой сверток, помахал рукой, улыбнулся и побежал догонять своих.

– Я не понял, что это было? Я, кроме слова Питер, ничего не понял. Видимо, его так зовут.

– Ну этот тот, которого я утром...

– Понятно. Хорошо, что ты его не того, не прибил – иначе нам бы несдобровать. Что там в свертке?

– Сейчас посмотрим. Вот папиросы, немного хлеба, спички. Наверное, это его паек.

– Ну что же, спасибо ему. Он сильно рисковал.

– Да, рисковал. Давай поищем, где схорониться, отдохнем, потом двинем к нашим. Друзья дождались ночи и стали продвигаться к своим. Когда пришли к окопам, там никого не оказалось. Углубившись в лес, пошли дальше. Под утро услышали русскую речь, пошли на голоса, предвкушая отдых. На поляне кто-то отдавал приказы.

– Подожди, у меня плохое предчувствие, – остановил друга Саня.

– Я разведую и вернусь, а ты пока отдохни. Раненый закрыл глаза. Вот они с отцом работают в поле. Санек еще совсем маленький, тут появляется старшая сестра с кастрюлей в руках, что-то говорит, но ничего не понятно. Она сердится, подходит вплотную и начинает колотить возле уха по кастрюле поварешкой и так громко, словно гром гремит. Он не помнил, сколько спал – его разбудили выстрелы. Прибежал бледный приятель.

– Пошли дальше, здесь нельзя оставаться, найдем свой отряд.

– Что там случилось? На тебе лица нет!

– Они их расстреляли.

– Кого?

– Всех, кто с нами бежал. – Ахметкали почувствовал себя, как на той горе, с которой его сталкивали и точно так же хотелось плакать. И уже про себя подумал. – Надо идти, а куда?

– Немцы?

– Нет, наши. В нашей форме были. Приговор звучал примерно так: за трусость и измену родине...

– Бред! Какая измена?

Делать нечего, решили передвигаться ночью, в ту же сторону что и раньше. На третий день пути, уставшие и голодные, они увидели разрушенную деревню.

– Сейчас бы пожрать, у меня уже сил нет, – произнес Александр, – только здесь ничего не найдем.

– Почему ты так решил?

– Ну, так деревня же разрушена.

– Помнишь сказку, как в голодное время старик заставил намолотить солому с крыши?

– Некогда мне было сказки слушать. Я отцу в поле помогал, про что там?

– Мама мне ее рассказывала, когда учила читать и писать. Потом расскажу. – он вспомнил мать и слезы стали наворачиваться на глаза. Снова, как и всегда в тяжелые моменты, вспомнил наставления матери – мужчины не плачут. Он бы многое отдал, лишь бы еще раз увидеть ее, сейчас особенно сильно хотелось этого...

К деревне пробирались очень осторожно, всматриваясь в темноту и ожидая нападения в любую минуту. Пошарившись около руин домов, нашли половинку вил без черенка, дырявое ведро и ржавый нож без ручки. Потом пошли на место, где раньше были огороды, стали копать. Копали долго, но это стоило того. Перекопав два-три участка, накопили штук десять картофелин.

– Все! Я больше не могу. Пошли обратно в лес, – наконец сдался Ахметкали, – этого нам на некоторое время хватит.

– Зачем в лес? Вон смотри, подвальчик вроде еще цел. Давай там спать будем, все теплее, чем на улице.

– Мы можем там костерок развести, запечь картошку, чтобы нас не заметили, но потом надо идти в лес. Здесь оставаться небезопасно. Кстати, когда обратно пойдём, там около дороги, видел грузовик стоит? Надо будет с него остатки тента срезать, пригодится.

Так и сделали. Забрались в подвал, развели небольшой костер, запекли картошку. Пока она готовилась, Ахметкали точил лезвие ножа о камень, подобранный здесь же.

– Никогда не думал, что буду так радоваться такому ржавому куску железа, – произнес Ахметкали, заточивая нож, – надо будет еще ручку для него сделать. Наверное, вот из этой палки и сделаем, не возражаешь?

Александр не возражал, а может просто не было сил. Он уже сидел молча, глядя на огонь. Когда картошка приготовилась, стали медленно есть. Они знали, что такое голод, оставили часть на потом, чтоб не перегружать желудок. Поев, пошли в лес к оврагу, который присмотрели для отдыха. По дороге обследовали грузовичок. Видимо, он подвергся нападению штурмовиков – в покореженной кабине и кузове лежало четыре солдата.

– Смотри, винтовки новые, похоже, еще даже не стреляли. Возьмем все?

– Нет, лишний груз только помешает, возьмем по одной винтовке и сколько есть патронов.

– Ну и запах, дышать нечем – надо бы похоронить их...

– Не успеем, уже светает. Документы возьмем, если до своих доберемся, их семьям похоронки разошлют.

Парни соорудили себе укрытие в корнях большого дерева, прикрыли вход листьями. Александр сразу завалился спать, ранение забирало все больше сил. Его товарищ понимал: если не найти еды, раненый долго не протянет – поэтому, отрезав от тента несколько полос, пошел глубже в лес.

– Саша, вставай. Обед готов.

– Аппетитно пахнет! Откуда такое богатство?

– Я силки поставил, вот зайца поймал и птицу какую-то. Я таких не видел... Ты, главное, бульон пей, рана быстрее заживет.

– Где ты взял котелок? – указал он на посуду, которая выглядела так, будто ее пожевал великан и выплюнул.

– Это не котелок – ковшик. Еще раз в деревню ходил. Там и нашел. Правда, пришлось его камнем выправлять. Но и на том спасибо – сам понимаешь...

– Да ты много успел! Шустрый какой!

– А что было делать? Ты день спал, ночь спал. В это время все и сделал.

– Я что, сутки спал?! Ты почему меня не разбудил?!?

– Ты же ранен. Тебе отдыхать надо.

– Сейчас не отдыхать нужно, а пробираться к своим!

– Успокойся, не поев – не дойдешь. Давай лучше кушать – вот я тут супчик сварил. Ковшик крошечный, поэтому мало получилось. Да и нести его не получится, так что надо сразу съесть, а остальное на палке над костром приготовил.

– Соли бы еще, а то постное совсем, – отхлебнув глоток теплого бульона, проговорил Санек.

– Чего еще изволите, барин? Может, вам принести вина, или желаете горячего шоколада? – разозлился уставший товарищ.

– Да ты не обижайся, это я так, к слову. Мир?

– Мир.

Ели молча. По мере насыщения у друзей улучшалось настроение. После завтрака Ахметкали завернул оставшуюся еду в широкие листья и укутал в кусок тента. Когда совсем стемнело, продолжили свой путь.

Дня через четыре лес сменился степью. Идти по открытой местности было боязно, решили пока остановиться. Ахметкали ставил силки, Саня собрал ягод.

– Как будем передвигаться? Даже если ночью пойдем, когда рассветет – мы будем как на ладони.

– Идти в любом случае надо. Если налет с воздуха, то можно укрыться тентом. С самолета будет не видно. А если... что-нибудь придумаем.

Своих догнали только через три недели. Правда, пришлось отвечать на вопросы особистов. Наслушавшись жутких историй о допросах с пристрастием, очень перепугались, но все обошлось. Видимо, у «товарищей» из органов были дела поважнее, чем портить жизнь молодым парням. С каждым разговор длился не более получаса, зачем-то заставили снять сапоги, и внимательно рассматривали подошву. После всех формальностей молодые солдаты снова приступили к службе. Они участвовали в битвах за Сталинград, оттуда через Прагу дошли до Берлина. Им повезло, в отличие от многих, они прошли всю Европу пешком, и остались живы.

Мирное время

Вернувшись с войны, Ахметкали поступил в институт, закончил его с отличием и стал учителем географии и истории. Как он любил говорить – «я практик – сначала прошел полмира, а потом стал учить других». Там же познакомился со своей женой, она преподавала музыку. Постепенно дорос до директора школы. Каждую неделю они с учениками высаживали деревья вблизи поселка. Поскольку кругом была степь, а под тонким слоем почвы лежал песок, приходилось сажать саженцы особым образом: большой, льняной мешок наполняли коровяком¹⁵ и землей, укладывали в него саженец. Так, с мешком вместе и закапывали в землю. Поливать приходилось каждый день. Постепенно, за несколько лет, вырос шикарный лес, деревья окрепли и уже не требовали постоянного полива.

Нурлыгайым, уже имевшая двоих детей, после длинного рабочего дня, сидела с подругами и шелкала семечки. Болтали о том, о сем. Наговорившись вдоволь, она пошла домой и на пороге дома почувствовала что-то не ладное, стала кричать подругам:

– Наташа-а-а!!! Гуля-а-а!!!

Прибежали испуганные подруги:

– Что случилось? Ты что кричишь?

– Не знаю, живот болит, двигаться не могу! – тут стали отходить воды.

– Да ты рожает! У тебя воды отошли!

– Не может быть! Я бы знала, что беременна! – практически прокричала она. Так появился третий ребенок, который родился не совсем обычно и очень пугал свою мать: он не плакал, как обычные дети. Резко отрывисто вскрикивал, запрокидывал голову назад и не дышал, постепенно синел... Много седых волос прибавилось у нее. Когда он подрос, то приручил беркута. Утром выходил во двор, отпускал его. Как птица устанет или Кайыргали свистнет, она прилетала домой. Пока жили в Лепсы, у них родились семеро детей. К сожалению, старший сын имел психические отклонения, и почти всю жизнь провел по больницам, где в итоге и умер. Второй ребенок – дочь, была талантливей, подающей большие надежды балериной. Она заболела раком, но, будучи уже больной, тренировалась постоянно. Ее видели тренирующейся даже в поезде. Победить болезнь она не смогла. Когда родилась седьмая дочь, у матери пропало молоко. Одна из соседок взяла ее к себе, кормила грудью и сильно привязалась. Неизвестно, каким образом она уговорила родителей, возможно, им стало жаль женщину, которая потеряла своего ребенка, ровесника их дочери, но кормилица удочерила девочку, дав ей свою фамилию – Базарова. Позже они переехали. Их направили в поселок, в котором жили немцы. Кроме немцев, была одна семья бурят с интересной фамилией Мадагоровы. Весь поселок обслуживал огромную птицефабрику. Кто хоть раз бывал у большого птичника – знает и навсегда запоминает запах, который издают тысячи кур и их экскременты. Несмотря на это, Ахметкали нравилось там жить – поражала чистота и порядок, царившие на улицах и во дворах. Когда он получил назначение в другой поселок, несмотря на то, что это был колхоз миллионер, собирался очень неохотно. Да и подростки, у которых здесь появились друзья, не хотели уезжать. Им выдали дом около школы, в которой они работали, но для такой большой семьи он был слишком мал. В первый день послали Кайыргали в магазин за хлебом. Поехал он туда на велосипеде, оставил его у входа, а когда вышел, то от любимого средства передвижения не осталось и следа. Этим обстоятельством Кайрош или Коля – как его стали называть здесь, был немало удивлен. До того у него ни разу ничего не воровали. Бывало, живя в Чапаевке, можно было оставить велосипед у какого-нибудь забора и прийти за ним через сутки или двое – транспорт стоял на том же месте. Мадагоровы часто навещали друзей, и в качестве гостинца, привозили коробками куриные яйца.

Хасеновы

Сразу после войны Умрахия вышла замуж за бывшего солдата, который остался без ног. Нурбике очень разозлилась: посчитала, что мать предала память отца – вдруг вернется? И куда ему потом идти? Дочь искала отца. Ежемесячно писала письма в разные инстанции, пытаясь отыскать его и добиться встречи. Только в пятьдесят четвертом получила ответ: Ваш отец скончался в тридцать восьмом году во время эпидемии брюшного тифа. О том, где он похоронен, не было ни слова. Спустя много лет, когда архивы были рассекречены, удалось выяснить: Сеит-Баттал Мустафин был расстрелян через полгода после ареста. Скорее всего, ее мама догадывалась обо всем, поскольку к ней приходили люди, сидевшие с ним и которым повезло больше – они выжили. В семье Сатыбая родились две дочери погодки, по достижении двух и трех лет они сильно заболели. Врачи делали все возможное, но спасти девочек не смогли. Как впоследствии, много лет спустя, вспоминала Нурбике: «если бы они заболели сейчас, то я даже без помощи врачей вылечила бы их. Сегодня есть всевозможные лекарства, а тогда даже пенициллина не было...» Потом еще долго ждали детей. Наконец, спустя четыре года родился сын Арсен, но родился семимесячным и очень слабым. Родители сильно переживали – выживет ли? Умрахия от второго брака родила двух дочерей и назвала их в честь своих погибших внуков – Рауза и Светлана. Старшая сестра считала их рождение ошибкой и недолюбливала. Привязалась она к ним много позже. Сатыбай стал много пить с сослуживцами, сильно переживал из-за смерти дочерей, и за сына боялся – не погибнет ли? Долго думала его жена, что можно предпринять и в итоге придумала. Она пошла к начальнику станции, где он работал. Добившись приема, она приготовилась к долгому и обстоятельному разговору. Но начальник станции удивительно спокойно отреагировал на ее просьбу подействовать на мужа. Он предложил ей:

– А давайте, вместо того, чтоб оказывать на него давление, пошлем его учиться. У нас остро стоит нехватка квалифицированных специалистов. Я слышан о вашем муже – говорят, что он очень сообразительный, постоянно что-то придумывает.

– Вы уверены, что он справится? И куда Вы хотите его отправить? – спросила удивленная просительница.

– В Москву. Думаю, из него получится хороший инженер. Наверное, Вам следует пойти сейчас домой и забыть о нашем разговоре. Иначе, если Ваш муж узнает, о чем мы беседовали, обидится и у нас ничего не получится. Завтра я с ним поговорю.

– Спасибо большое! – ответила женщина, не привыкшая к такому мягкому отношению со стороны начальства, обычно ей припоминали отца. И, как правило, любую просьбу отклоняли, приходилось проявлять большое упорство, чтобы добиться своего. Нурбике пришла домой в приподнятом настроении. На следующее утро Сатыбая вызвали к начальнику станции.

– Здравствуйте! Вызывали? – заходя в кабинет, спросил он.

– Доброе утро! Вызывал. Присаживайся, у нас будет серьезный разговор. До меня дошли слухи, что ты хорошо справляешься с различными железками, постоянно что-то мастерить. Это правда?

– Да, есть немного. Но это после работы, – испугался он, думая, что его будут наказывать

– Не переживай так, – улыбнулся начальник, заметив замешательство собеседника и продолжил – я тут подумал, у нас не хватает инженеров. Поедешь учиться?

– Я не знаю, надо с женой поговорить. Если...

– Думаю, она согласится, я даже уверен в этом, – зная заранее ответ его супруги, ответил он, – ну хорошо, иди, поговори с ней. Если она даст согласие, то готовься к поступлению. Через четыре месяца начинаются экзамены, можешь пораньше с работы уходить. Кого надо – я предупрежу. Придя домой, он обратился к Нурбике:

- Знаешь, сегодня меня вызывало начальство.
- А, что случилось? Ты провинился?
- Почти, они предлагают мне поехать учиться. Как думаешь, стоит согласиться?
- Конечно. Езжай.
- Ты как-то подозрительно быстро согласилась
- А как я должна была реагировать?
- Ну, я думал, будешь плакать, кричать: не пущу!!! Или что-нибудь подобное.
- Если хорошо отучишься, то получишь повышение, это же хорошо. Или нет?

Так и не поняв, кому обязан своему направлению на учебу, через пару месяцев поехал в Москву, по дороге познакомившись с Абеном. Он тоже ехал по направлению. Приехав в первостольную, они первым делом отправились в столовую. Абен задержался по дороге. Догоня Сатыбай, заметил, как к нему в задний карман запустил руку какой-то человек, поковырялся и пошел дальше. Пока суть да дело, вор скрылся.

- У тебя в кармане шарилась! – задыхаясь от пробежки произнес он
- Знаю, – невозмутимо ответил потерпевший.
- Ну, а почему не задержал его?!?
- Зачем? Там все равно ничего не было, пусть развлекается.
- ???

Мы не знаем о том, что было дальше и об их жизни в столице. Вернувшись на родину, они стали работать на железной дороге. Постепенно поднимались по служебной лестнице. Потихоньку стали появляться проблемы – из-за высокого поста. Нашлись люди, пытавшиеся решить свои дела через лесть. Когда это не помогало, пытались действовать через маленького сына. Если взрослые все видели и понимали, то ребенок принимал все за чистую монету и считал себя чуть ли не богом. В доме стало собираться много гостей, хозяева развлекали их песнями: Сатыбай пел и играл на домбре, Нурбике на гитаре. У них родились еще пятеро детей, каждый со своим характером. Сауле до поры до времени была тихоней – куда посадишь, там сидит, куда поставишь, там стоит. Сама себе придумывала истории, сказки. Выросла незаметно для своих родителей. С Зауре же они намучились – собираясь домой из гостей, не смогли уговорить ее поехать, дочь закатила истерику. Кричала, что ей нравится здесь, и она останется. Решили оставить ее на несколько дней. Когда они приехали за ней, то ребенок просто перестал говорить. Что там произошло, никто не знал и не говорил. Естественно, был большой скандал – с этими родственниками перестали общаться. И не виделись пару десятков лет. Девочку водили по врачам, но так ничего и не добились. По большому благу попали к одному врачу, дефектологу. Он внимательно выслушав родителей. Сказал, что медицина тут бессильна, все будет зависеть от них самих. Просто ребенок должен все свое время проводить с родителями, придет время и она заговорит, только нужна ласка и очень много внимания. С тех пор отец стал ее водить с собой – то на бокс, то на футбол. Там она вместе со всеми кричала, можно сказать, орала во всю глотку, не умея говорить и не понимая, что происходит, но зато ей все это нравилось. Мать брала ее с собой на работу. В общем, ребенок все время проводил с родителями, пока однажды к ним не приехала Рауза и не решила попить чаю. Уже усаживаясь за стол и настроившись поесть пирожков, услышала со двора дикий вопль Зауре, кто-то обижал ее любимицу. Выбежала во двор, чтоб защитить свою племянницу. Ее взгляду предстала странная картина: Зая – так любя называла она ее, восседала как всадник на лежащем на земле мальчишке, которого она изо всех сил колошматила и приговаривала при этом: «да я тебе голову оторву, да я тебе уши отрежу, да я из тебя фарш сделаю!». Она не поняла, что на нее произвело большее впечатление, что ребенок заговорил или то, что заговорил такими словами. Еле оттащив ее от врага и боясь испортить прогресс, которого добилась девочка, повела ее домой. Родители вышли в коридор.

- Что там произошло? – спросил Сатыбай.

– Ваша дочь оседлала парня во дворе и использовала его вместо груши. Думаю, будет лучше, если она сама расскажет, – ответила Рауза.

– ???

– Ну-ка, Зая, расскажи, что там произошло? Папа с мамой ждут...

– А че он?! Сам виноват! – и пошла в детскую. Нурбике протянула руку и попыталась остановить ее, чтобы еще поспрашивать, но Сатыбай остановил ее:

– Тсс, не вспугни, всему свое время, давай устроим сегодня пир. Приготовишь беляшки и пирог? Надо же это отметить. Скоро заговорит так, что остановить не сможем – но она так и осталась немногословной. Ее даже называли: сестра таланта – имея ввиду крылатую фразу из письма А. П. Чехова. Целый день все даже не дышали в ее сторону, вечером накрыли стол, стали расспрашивать, что произошло. Единственное, чего они добились, были слова:

– Я же не виновата, что он дурак. Пусть не пристаёт!

В дверь постучали – пришли родители мальчика, явно настроенные на скандал.

– Ну показывай, кто тебя побил? Грозно произнес мужчина.

– Вот она! – указал он пальцем на обидчицу.

– Она же девочка! И к тому же, в два раза меньше тебя! – побагровел его отец, отвесив при этом подзатыльник сыну, и продолжил:

– извините, пожалуйста, что побеспокоили. Я думал, что... не важно. Еще раз извините, а с ним я поговорю дома. Провожая взглядом из окна непрошенных гостей, семья видела, как отец подобрал прут и несколько раз стегнул им сына по дороге домой. После этого случая соперника Заи каждое утро видели бегающим в парке и тренирующимся в различных секциях. Зауре любила спорт. Видимо, на нее повлияли походы с отцом на различные спортивные мероприятия: увлекалась бегом с препятствиями, волейболом, гимнастикой и еще много чем – благо в то время государство заботилось о здоровье детей и секции были бесплатными. Когда приходили гости, отец хвастался: «Смотрите, это наша гимнастка!» – и показывал им Зауре. В следующий раз он им говорил: «Смотрите, это наша волейболистка!» И это повторялось из раза в раз, менялась только концовка фразы. Рано или поздно все идут в школу, но не всем она дается легко. В те времена, если у тебя была какая-то особенность, например – ты левша, то учиться было особенно тяжело.

– Зауре, ты почему так мелко пишешь? Пиши крупнее и возьми ручку в правую руку.

– Мне неудобно в правой руке...

– Ничего не знаю: положено ручку держать в правой руке – значит держи в правой.

– Мам, но у меня не получается так писать.

– Прекрати! Я с твоей учительницей разговаривала: она говорит, чтобы ты училась писать правой рукой.

– Хорошо, я постараюсь.

– И надо писать крупнее.

Мама пошла заниматься своими делами. Минут через десять после этого разговора подошел отец.

– Зупаха, ты что так крупно пишешь? Пиши мельче

Девочка заплакала и, убежав в другую комнату, бросилась на кровать и лежала, уткнувшись в подушку. Сатыбай растерялся. Не поняв, что происходит, решил ничего не предпринимать сам и отправил к ней Сауле:

– Поговори, пожалуйста, со своей сестрой, успокой ее. Только аккуратно, а то еще, не дай бог, замолчит снова.

Сауле подошла к сестре:

– Заря, что произошло? Ты что ревешь?

– А че они? То пиши крупно, то мелко!!! То ручку не так держишь, и не в той руке! Не буду больше писать вообще!

- Успокойся. Все будет хорошо, тебе еще восемь лет учиться.
- Я не буду учиться! Хватит!
- И чем займешься?
- Работать пойду, на завод!
- Тебе всего восемь, никто тебя не возьмет.
- Вон книжка лежит – там написано, что дети работают.
- Сейчас не война, дети так больше не работают.
- Ну, тогда после восьмого класса уйду.

– Вот видишь, все равно придется учиться. Держать ручку придется в правой руке, а насчет... пиши средне. Зауре смотрела несколько секунд на сестру немигающим взглядом – Сауле стало даже немного не по себе, потом уткнулась в подушку и еще громче заревела. В итоге, она научилась писать обеими руками. Постепенно, как все дети, адаптировалась к школе.

Когда родился Серик, бабушка посмотрела на него и сказала:

– Палуан болады (борцом будет). Никто ей, конечно, не поверил – мальчик был худым и казался слабым.

– Мама, с чего Вы это взяли? – Да ты посмотри на его грудь, она не как у остальных – выдается вперед, легким треугольником – это признак воли и силы.

– Мне кажется, что это просто такая особенность – произнес отец – по-моему совершенно обычный ребенок.

Умрахия оказалась права. Он стал хорошим борцом, силой пошел в отца, только роста был маленького. Тренер часто, говоря о нем, удивлялся, откуда в таком маленьком теле такая сила. Часто противники, намного тяжелее и сильнее, неожиданно для себя оказывались на лопатках. Но больших успехов в спорте он не добился, поскольку предпочел соревнованиям учебу. От природы он был еще и молчуном. Размозжив себе палец дверью, лет в пять, он просто сел в угол и сидел, пока мимо не прошла Зауре и не оказала ему первую помощь. Казбек же отличался шумным характером, постоянно озорничал и много болтал. Однажды, играя во дворе, стал гонять соседских кур, петух за них заступился: запрыгнул на плечи хулигана и хорошенько потрепал обидчика. Потерпевший пришел к соседям и заявил:

– Ваша главная курица клюнула меня в голову! Соседи, конечно, посмеялись, но всех курей зарезали. Побоялись, что эта история дойдет до кого надо. В то время нельзя было держать живность в квартире. В один из выходных дней семья поехала в гости к друзьям, по дороге встретили стадо коров. Счастью Казбека не было предела. Он закричал:

– Мама, смотрите какие большие бараны! Приехав к товарищам родителей, они прошли во двор и им посчастливилось увидеть такую сцену: в центре двора, на месте старого подвала, обвалилась земля, туда упали щенки, а хозяйская собака прыгнула туда и стала вытаскивать их. На что Казбек с важным видом заметил:

– Наверное, это мама.

– Почему так решил? – спросил Серик.

– Потому что, если бы это был папа, то он не стал бы прыгать. Разговор детей позабавил взрослых. Глава семейства был заядлым охотником. Ему хотелось иметь автомобиль, но возможности купить его не было, и он сильно из-за этого переживал. Как-то раз, разговаривая с женой, он упомянул об этом, на что она шутя сказала: «ты же инженер – вот и собери!». Конечно, она пошутила и не думала, что он решится на это. Недолго думая, прямо на следующий день, муж стал искать запчасти: где-то купил колодки, где-то двери, кто-то подсказал, что там-то видел кузов разбитой машины. Спустя долгих три года удалось собрать «Победу», которую через десять лет плавно переделают в двадцать первую «Волгу». При этом хозяин будет возмущаться: «это – не кузов! Это – консервная банка! То ли дело «Победа»! Хозяйку раздражало постоянное отсутствие мужа, но увидев результат, она простила его. Тем более, что

им выделили дачный участок и машина оказалась как нельзя кстати. По выходным Сатыбай, теперь уже – Сатыбай Хасенович, стал брать двух младших сыновей и своего друга, с которым договорились поделить урожай пополам, на дачу и там они выращивали арбузы. Старшего сына не брали, поскольку с ним отношения не заладились, он слушал беспрекословно только свою бабушку и любил ее безмерно. Отца не воспринимал вообще – характер у отпрыска был взрывной, своенравный. Младшие уважали отца, но ненавидели эти поездки. Им хотелось играть и развлекаться, а тут приходилось работать в поте лица да еще, если ломалась машина, помогали чинить ее. Приезжая домой, они просто валились на кровать и не вставали. К счастью, длилась пытка недолго. Как-то осенью они приехали, а урожая не было. Коварный друг все забрал себе. Глядя на все это, Сатыбай решил избавиться от дачи. По дороге домой, расстроенные муж с женой громко возмущались, а дети, обрадовавшись, что не придется работать, сидя на заднем сиденье, затеяли возню. Старший из них во время борьбы дернул ручку двери и вывалился из машины, взрослые ничего не заметили. Казбек сидел и не дышал. Наконец, набравшись храбрости, произнес:

– Пап, мам..., а Серик вышел.

– В каком смысле вышел? – не поняли родители.

– Ну, дернул за ручку и вышел. Поняв, что произошло, отец, чуть не перевернув автомобиль, развернулся и помчался назад. К счастью, все обошлось без серьезных травм. Конечно, всем досталось на орехи. Когда из роддома привезли младшую сестру, Казбек на правах младшего спавший с родителями, ночью молча, встал и ушел в другую комнату, уступив ей место. Айгуль любила задирать братьев, разозлив их, убегала и пряталась за спину отца. Оттуда корчила рожи и показывала им язык, а они, в свою очередь, знаками давали ей знать: мы этого так не оставим и отомстим! Делая при этом страшные лица и выпучивая глаза, но подойти боялись. Еще бы – она была любимицей отца, а он делал вид, что ничего не замечает и занимался своими делами дальше. Кто-то поставил ей прозвище Клопик. Так ее и называли. Один из отпусков Нурбике проводила в Москве с Айгуль и Зауре. Гуляя по ГУМу, не уследили за мелкой, и та потерялась. Бегая в панике, они услышали смех и решили бежать туда. Она стояла в окружении продавщиц, и они очень весело с ней обсуждали что-то.

– Здравствуйте! Мы испугались, думали, что потеряли ее, – произнесла Зауре. Нурбике пока не могла произнести ни слова.

– Да? А как я испугалась! Смотрю, вешалки с вещами зашевелились, я чуть в обморок не хлопнулась. Потом оттуда вылезает это чудо, – отвечает одна из продавщиц, – мы у нее спрашиваем ты кто? А она отвечает: «Клопик!»

– Спасибо Вам большое, – наконец пришла в себя Нурбике, – мы только приехали, а тут такое...

– Да не за что. Мы давно так не веселились...

Мухамедсадык и Нурби

Мать Мухамедсадыка получила работу в городе Уштобе, и Сакубай пошел в седьмой класс уже на новом месте. Зайдя в школу, первое, что он увидел – это иссиня черные косы, они ниспадали по спине, подчеркивая статность и грацию своей хозяйки. У него перехватило дыхание, колени тряслись, что, к слову сказать, с ним не происходило никогда ранее. Набравшись храбрости, он подошел к девушке. Превозмогая вдруг одолевшую сухость во рту, обратился к незнакомке:

– Привет. Меня зовут Мухамедсадык, а тебя?

– Меня Нурби, – подняв одну бровь, повернулась она к нему. Ее подруги тут же замолчали и очень внимательно, с ехидным любопытством, наблюдали за происходящим.

– Как я могу тебя найти после занятий?

– Ну сейчас же нашел. Найдешь и после, – она подмигнула подружкам. Рассмеявшись, они дружно сорвались с места и убежали.

Так глупо юноша себя еще никогда не чувствовал. Нурби же, вроде и посмеялась над ним, но почувствовала – это ее мужчина и проведет она с ним остаток своей жизни. Вдруг она ощутила себя взрослой, было приятно осознавать свою нужность кому-то. Несмотря на то, что утром она над ним посмеялась, после уроков с удовольствием согласилась на небольшую прогулку. Так они и подружились. Мухамедсадык обладал веселым нравом, любил пошутить и часто посмеивался над своей девушкой из-за ее постоянной занятости дома. Все спрашивал: «тебя там что, в темнице держат? А дракона, охраняющего тебя, там нет? Может, мне нужно прийти и спасти тебя из заключения?». В отместку, на танцах, она решила потанцевать с парнем из параллельного класса, и никто не ожидал того, что сделал никогда неунывающий парень. Он подскочил к танцующим и залепил Нурби звонкую пощечину. После развернулся и куда-то убежал. Разумеется, были слезы, была обида. Но на следующий день она решилась на невиданный, для девушки поступок: пошла к нему и первая попросила прощения. Больше подобных эксцессов не случилось. По окончании школы Мухамедсадык попросил ее руки у родителей, но получил отказ. Отец считал, что она сначала должна получить образование, а уж потом думать о замужестве. Делать нечего, Нурби поступила в железнодорожный техникум, а Мухамедсадык поехал в Ташкент и поступил в политехнический институт, на специальность горный инженер. Уже учась на последних курсах, приехал к семье, на каникулы. Гуляя по городу, встретил Нурби, она как раз была в городе по делам. Разговор не клеился, они просто молча гуляли. В конце концов, парень спросил:

– Я завтра уезжаю. Ты придешь на вокзал?

– Да, конечно, – как-то отстраненно ответила она.

Ночью Нурби не могла заснуть, она так много хотела сказать и спросить, но почему-то не сделала этого. Словно кто-то запечатал ее уста. Утром она уговорила свою подругу пойти с ней. Подходя к вокзалу, увидела своего мальчика, слезы навораживались на глаза, к горлу подкатывал комок, так хотелось обнять его, прижать к себе и не отпускать! Но, взяв себя в руки, с веселой улыбкой на лице, легкой походкой подошла к нему. Он стоял, почему-то очень нервный, переминался с ноги на ногу. Они стояли молча, глядя в глаза друг другу. Подруга смотрела то на него, то на нее, и ничего не могла понять – что же они молчат? Наконец Мухамедсадык собрался с духом, и произнес:

– Знаешь, я купил два билета. Поедешь со мной?

Нурби радостно вскрикнула, бросилась ему на шею.

– Конечно, поеду! – запищала она и, повернувшись к подруге, продолжила:

– Кимка, сходи к моим, расскажи им все. Хорошо? Скажи, что я люблю их всех! – и быстро, словно боялась, что ее мужчина передумает, подхватила его тяжелый чемодан,

словно перышко, схватила Мухамедсадыка за руку и повела его в вагон. У Кимки челюсть отвисла. Она еще долго глядела вслед удаляющемуся составу...

После окончания института молодую семью направили работать в Таджикистан, там от сильной и непривычной жары у матери пропало молоко. Коровьего молока было днем с огнем не сыскать, а верблюжье дочь пить не стала. В итоге, из-за жаркой погоды и постоянных перебоев в питании, ребенок заболел и погиб в возрасте четырех месяцев.

Зауре

Зауре возвращалась с дискотеки поздно вечером. Подходя к дому, увидела группу парней. От нее отделился один из них и пошел к ней, и заговорил развязным голосом:

– Эй, сестренка! Не хочешь присоединиться к нам?

Но его быстро оттянули назад и Зауре услышала испуганный шепот:

– Ты что, спятил?

– А че такое? Че случилось?

– Не че, а что, это сестра Арсена. Тебе проблемы нужны?

– Я же не знал.

– Короче, пацаны, валим отсюда, покуда еще целы.

Такой гордой она себя еще никогда не чувствовала. Пришла домой в хорошем настроении, мама была в командировке, и можно было себе позволить немного больше чем обычно.

– Зауре, ты где болтаешься? Уже одиннадцать часов! Хорошо еще, родители не дома.

– Ой, Сауле, – старшую сестру изображаешь? Ты лучше послушай, что со мной произошло! Тут несколько парней стояло, один стал ко мне приставать, его друг меня узнал и так сильно испугался, не меня – Арсена. Представляешь?

– И ты такая гордая? Да?

– Ну, конечно! А ты бы не гордилась?

– Ты помнишь, неделю назад мы с мамой пришли, и она весь вечер плакала?

– И что?

– Ну так вот, мы с ней возвращались после школьного собрания, услышали шум около дома, там несколько человек держали Арсена за руки и ноги, а остальные его били и пинали. Их человек семь – восемь было. Как думаешь – это нормально? Да, его боятся, если их два или три человека, но когда толпа, он им не страшен. Скоро его в армию заберут, может, там человеком станет.

Раздался скрип открываемой двери, они вышли в коридор, их взору предстала странная картина: дверь очень медленно открылась, в проеме показалось испуганное лицо отца, потом он крадучись пробрался в квартиру и не включая свет, стал пробираться в кладовку, в руках у него была коробочка.

– Пап! – не выдержала старшая дочь, – что случилось?

– Тсс! – приложил он палец к губам, – мама с командировки не вернулась? – прошептал он заплетающимся языком, сразу было видно – отец пришел подшофе.

– Еще не приехала, она завтра будет – ответила младшая

– Смотрите, что я принес! – и потихоньку, поставив на пол коробочку, приоткрыл крышку.

Там лежал и не двигался пушистый комочек. Девушки были в восторге:

– Котенок!

– Щенок!

– Да тихо вы, разбудите. Это щенок, западносибирская лайка. Мне ее друзья охотники подарили. Специально из Сибири везли.

– Это девочка? Они за щенком в Сибирь ездили? – спросила Зауре

– Да нет же, они сибиряки, я с ними в командировке познакомился. А сейчас они у нас в городе по делам, заодно на охоту съездили. Только маме не говорите. Хорошо?

– Как не говорить? Она же ее увидит!

– Даа, что-то я не подумал. Тогда сразу не говорите. Как приедет, накройте на стол. Поест, отдохнет, потом скажем. Вдруг не прибьет... меня. А теперь всем спать. Утро, чувствую, тяжелым будет.

Утром, ни свет ни заря, девушки соскочили с кровати, разбудили всех братьев и сестренку, даже дальнему родственнику – Болату, гостившему у них, пришлось встать, его девушки недолюбливали. Все возмутились. Арсен, сверкая своими зелеными глазами, грозился всех закопать за такой шум, с утра пораньше. Всех собрали в зале. К ним вышел отец:

– Зупаха, принеси ее.

– Сейчас, – она ушла в спальню к родителям

– Мне нужна ваша помощь, сейчас приедет мама к ее приходу нужно сделать генеральную уборку, накрыть на стол. Как зайдет она ничего не должна делать. В общем, нужно ее задобрить.

– А что случилось? Раньше, когда она приезжала из командировки, никто так не шумел, – спросил Арсен.

Тут в комнату зашла Зауре, неся в руках щенка. Разумеется, все были в восторге, пытались взять его на руки, потискать. Только Болат и Арсен были недовольны. Болат фыркнул и вышел из комнаты, его примеру последовал Арсен. Зауре с недоумением посмотрела им вслед. Если к выходкам брата она еще привыкла, то реакция взрослого человека была для нее неожиданностью. К тому же, она недолюбливала своего родственника – считала его грубияном и глупцом. К ней подошла Сауле и прошептала на ухо:

– Не переживай. Я кое-что придумала. Болат глуп и суеверен. Завтра ночью мы над ним подшутим. Он мне уже надоел.

Вечером они стали репетировать.

– Сауле, откуда мы возьмем дым? Все подумают, что пожар начался!

– Не подумают – спать будут, у меня знакомый практику в театре проходит, он нам даст машинку для дыма. Главное, не переборщить, иначе в горле першить будет.

– А ты уверена, что он поверит?

– Попробуем – если не получится, то придумаем что-нибудь.

Ночью дверь в комнату Болата медленно, со скрипом открылась, раздались непонятные стуки и тихие стоны, какое-то гудение. С потолка из-за шкафа, по стене, закрывая проход в двери, полился густой дым и стал застилать пол, в горле запершило от дыма, а разыгрываемый принял это за вонь из преисподней. Гость уже трясся от страха, тут из тумана выплыли белые фигуры, потом исчезли в нем. Затем они появились снова, но уже как будто ползли на четвереньках. Комок подкатил к горлу, сердце сжалось, ноги и руки тряслись. Ему хотелось бежать и кричать, но крик застрял в горле, и его придавило к постели. Суеверный глупец, так и сидел до утра, не проронив ни слова. А тем временем, две сестры одев на себя простыни, то ходили перед единственным зрителем, то ползали, то крутились танцуя вальс. Прodelав все это, они «уплыли», резко потянули за веревку и с треском закрыли дверь. Быстро собрав магнитофон брата и отключив дымогенератор, быстро удалились к себе в комнату, с трудом сдерживая смех.

На следующее утро, сквозь стеклянную дверь кухни, они наблюдали такую картину: изможденный Болат закатывал глаза, ползал и крутился, а приехавшая из командировки мама и отец сидели с нахмуренными лицами, что-то отвечали ему и, видимо, успокоили. Когда родственник покинул комнату, девчонки спрятались за угол и так, чтобы он их слышал, стали говорить:

– Ты представляешь, я сегодня ночью привидение видела! – чуть не плачущим голосом заговорила Заре

У Болата, еще не дошедшего до своей комнаты, опять перехватило дыхание и ноги отказывались идти.

– Не может быть! – ответила Сауле, – я тоже видела!

– Неужели опять началось?!?

– Да, теперь как в прошлый раз, пока они не заберут кого-нибудь, не успокоятся!

– Надеюсь, мама с папой уговорят его остаться! Это всегда происходит на следующий день. Тогда мы будем в безопасности. Они же обычно гостей забирают, а если он уедет, то заберут кого-нибудь из нас!

От страха пот тек рекой, рубаха прилипла к спине. Он все понял! Эти коварные родственники, дабы спасти свои шкуры, специально приютили – хотят отдать его потусторонним силам! А сами останутся жить как ни в чем ни бывало! Какое коварство! Нужно бежать, причем срочно! Немедленно! Не прошло и пяти минут, как он уже выбегал из квартиры, взрослые пытались его остановить, но он что-то кричал о привидениях и проклятии, вырвался и побежал, чуть не свернул себе шею, споткнувшись и кубарем скатившись с лестницы.

– Вот видите! Это доказательство! Я так и знал! – убегая, он еще о чем-то кричал, но его никто не понял...

Разумеется, родители догадались, чьих рук это дело и незамедлительно отчитали девочек, вызвав их к себе в спальню. Оставшись одни, они смотрели друг на друга и, не выдержав, стали хохотать. Успокоившись, Сатыбай обратился к жене:

– Знаешь, мне кажется, мы слишком строго с ними разговаривали. Мне самому не нравился этот надутый индюк.

– Да, он высокомерный, чванливый и глупый, но он же гость. Уехал испуганный и недовольный... Нехорошо получилось. Но, может оно и к лучшему. Да, кстати, эта история меня отвлекла, но я еще помню про щенка. Зачем ты его принес?

– Ну, подумал, если... во-о-от... собака же... ну это... – просто удивительно, как такой большой и сильный мужчина, нагонявший страху на своих подчиненных, мог бояться маленькую женщину

– Понятно... будешь брать его на охоту?

– Ага. Только это она. Пальма.

– В каком смысле пальма? Пальма – это же растение...

– Зовут ее Пальма, в родословной так написано.

– Ладно, пусть остается, – сжалилась она – но чтоб в доме, чисто было! Я не потерплю бардака

– Никаких проблем! Зупаха ее воспитает как надо!

– Почему она? Ты же собаку для себя взял.

– Так она любит животных, у нее хорошо получится.

С тех пор Болата никто из этой семьи не видел. Доходили слухи: мол, бедолага вернулся домой очень испуганный и не выходит из дома без кучи оберегов, стал ходить к каким-то бабкам. Никого не пускает на порог. Еще говорили о том, что характер и раньше был не подарок, а сейчас так вообще – возомнил себя провидцем, надел камзол, взял в руки посох и вечно лезет со своими советами, поучает всех и вся, особенно бедного профессора зоологии, проводящего эксперименты в их поселке. Говорят даже, профессор написал заявление участковому, с просьбой оградить его от ненормального, который все говорит о каких-то привидениях и мешающего ставить ему опыты... Правда это или просто слухи мы, пожалуй, никогда не узнаем. Хотя – очень похоже на истину.

Четырехкомнатная квартира, в которую перебралась семья, находилась на втором этаже, в самом центре Алма-Аты. Прямо за забором школа, за ней кинотеатр «Целинный», двор тихий с беседкой. По краю двора, в два ряда, стояли кирпичные сарайчики, по одному для каждой квартиры. Жильцы первых этажей что-нибудь высаживали на палисадниках. Планировка по тем временам была шикарной. Имелась даже большая кладовка, которую использовали для хранения различных вещей, необходимых в хозяйстве и там же было место собаки, а на лестничной клетке был встроенный шкаф. Если Пальма забегала в кладовку и лапой громко закрывала дверь – это значило, что она обиделась. Несмотря на явные преимущества, дети просили родителей вернуться в старую квартиру. Им было жалко расставаться с друзьями.

Сатыбай Хасенович был прав, Зауре хорошо справлялась с воспитанием собаки, трижды в день гуляла с ней и дрессировала. Выгуливая как-то раз Пальму, она наткнулась на рыжую пигалицу, которая осмелилась к ней подойти и заговорить:

– Привет! Меня зовут Айжан, а тебя как?

– Зауре, – нахмурив брови, ответила молодая собачница, поражаясь такой наглости.

Зауре вспомнила ее – эта девица училась в школе на пару классов младше и еще она знала, как Серик с Казбеком краснели при виде нее.

– У меня тоже есть собака, сейчас дома сидит, а я иду на уроки.

– Ага, – нехотя ответила Заря. Эта малолетка нарушила ход ее мыслей, хотелось побыстрее от нее отделаться.

– Ну ладно я побегу, а-то опоздаю. Пока.

– Давай, пока.

Очень часто мы не замечаем, как такие мелкие знакомства перерастают в большую дружбу. Так и здесь, раздражаясь на эту мелочь пузатую, девушка не поняла еще, что завела себе подругу и жизни их сплетутся очень сильно. Они станут, как одна семья, и дружить будут даже их дети.

Избавившись от малолетки, она пошла домой – нужно было собираться в школу, сегодня должны прийти из «Химмаша», они взяли шефство над ее классом. Сидя на уроке и слушая лекцию о нехватке хороших чертежников, решила пойти работать к ним. Тем более, что черчение был один из самых любимых предметов. С трудоустройством проблем не было, работала она полдня и полдня училась. Коллеги были поражены способности новой сотрудницы держать карандаш в обеих руках. Примерно через месяц, после того как она устроилась на работу, ввели сдельную оплату труда. В свои шестнадцать лет, благодаря умению чертить обеими руками сразу, подшефная стала зарабатывать в два раза больше, чем профессора, работавшие в этом учреждении. Эти деньги оказались хорошим подспорьем для семьи. Помимо работы, раз в неделю к ним приходил педагог и все желающие могли освоить азы рисунка и живопись. Преподаватель имел странный вид: всегда был очень важным, на голове лысина, которую он прикрывал длинными волосами с затылка и, тем не менее, ученики его обожали. А старшее поколение посмеивалось над ним, правда за глаза и без особой злости. Ученики же смотрели на него, как на бога. Наверное, благодаря его урокам, через два года, никому не сказав ни слова, она поступила без особых усилий в институт.

Арсен

Сатыбай Хасенович привез большую деревянную бочку.

– Смотри, что я привез! Это виноградный сок! Пусть дети пьют, здоровее будут.

Где-то через месяц, Нурбике стала замечать, что дети забегают в кладовку и выбегают оттуда уже красненькие и необычно веселые. А Арсен так вообще стал приводить своих друзей. Почуввав неладное, она пошла в кладовку и попробовала сок из бочки... Видимо, за это время напиток настоялся и превратился в настоящее вино! Недолго думая, заставила своего мужа вылить все это прямо во двор. Если данное происшествие не сильно сказалось на младших детях, то старший, наоборот, стал попивать. Это изменило и так не самый уживчивый характер, в худшую сторону. Конфликты с отцом стали острее, драки на улице злее.

– Может, устроить его на железную дорогу, у тебя же остались там друзья? – спросила Нурбике

– Кем его устроить? У него нет образования. Разве только – грузчиком

– Да хоть грузчиком, а-то болтается без дела, выпивать стал. До армии еще полгода. Пусть поработает.

– Устрою грузчиком – спиться может. Ну а то, что делом бы ему заняться – это точно. Я подумую.

Вечером, придя домой, Сатыбай сообщил, что есть место. Нужно сопровождать груз в товарном вагоне. Жена возмутилась:

– Ты же генерал, мог бы найти что-нибудь полегче! Сейчас зима! Он там замерзнет и заболит!

– Не заболеет. Там буржуйка есть. Вспомни, как я в сорокаградусный мороз, по трое суток на путях кувалдой махал. И ничего, выжил.

– Так тогда война была! А у тебя есть возможность его получше устроить.

– Ты хочешь, чтоб я воспользовался, своим служебным положением? Так вот – этого не будет. Тем более, что это только на полгода. Считай – туда и обратно рейс сделает.

– Полгода – туда и обратно? Это куда же он поедет?

– Повезет груз в Сибирь.

Мать обомлела, в такое место и зимой.

– Давай позовем его. Пусть сам решит.

Так и сделали. Описали все трудности предлагаемой работы. Он согласился. Казалось, даже обрадовался. После того, как оформился на работу, попросил аванс. И пошел на базар.

– Мама, Арсен с другом яблоки принес с базара, целых два ящика, а нам не дает.

– Арсен, ты что не делишься?

– Это я себе в поездку набрал, буду витаминизироваться, чтоб не заболеть в поездке.

В день отъезда старший брат нагрузил Серика и Казбека, заставил тащить ящики с яблоками. Никто не мог понять, для чего ему столько. Яблок не видал, что ли? Он всем объяснял:

– Ничего вы не понимаете, это же алма-атинский апорт! В нем столько витаминов, что вам и не снилось! Я вот поеду и буду их по дороге есть. И никакая простуда мне не будет страшна.

Выехав из Алма-Аты, в товарном вагоне, он даже не представлял себе, во что ввязался. Было невероятно холодно, буржуйка горела, но тепла особого не было. Чтобы согреться, он соорудил некое подобие комнаты из груза, который перевозил. Груз представлял собой какие-то мешки, набитые непонятным мягким материалом. Остановки на станциях были настоящим спасением, там можно было согреться и поесть горячей еды. Приехав в пункт назначения и разгрузившись, он потратил время на то, ради чего приехал на самом деле: стал менять апорт на хрустальные наборы, которые очень ценились, в родном городе. Один апорт на один набор.

Провернув свои делишки, отправил телеграмму домой. Написал, чтобы его встретили братья и не забыли попросить у кого-нибудь тележку. Обратная дорога показалась ему бесконечной. Долгие, холодные переезды, от станции к станции, в пустом вагоне, ветер за тонкой стенкой вагона, все это начинало давить. Он считал часы и минуты, когда сможет покинуть это гиблое место... В конце пути было такое ощущение, будто все мысли выветрились из головы и вот-вот разум покинет его. Но у всего есть начало и конец. Так и дорога, когда-нибудь заканчивается. Старшего встречали два младших брата. Они были поражены, увидев тощего, синего от холода человека. И никак не могли поверить, что работа может так сильно изменить человека. Не успев отдохнуть, Арсен стал продавать привезенные наборы. Заработал столько, что хватило бы купить «Волгу». Отец негодовал: как так? Сын стал спекулянтом!

– Папа, ну что плохого? У нас яблок завались, а у них хрустала. Там все магазин этим хрусталем забиты и стоит он копейки. И им хорошо, и нам... Что мне было делать?

– Просто, раздал бы! Но не спекулировал!

– Почему я должен все раздать? Я же не знаю этих людей, – ворчал Арсен.

В общем, отец с сыном как раньше не понимали друг друга, так и сейчас не поняли. Арсен стал собираться во вторую командировку, но Сатыбай Хасенович сказал, что он никуда больше не поедет и не будет позорить его честное имя. Железнодорожники не понимали, почему он не хочет отпускать своего сына, ведь ничего не пропало, груз доставлен в целости и сохранности... в общем вторая поездка так и не состоялась. За то время, что оставалось до армии, удачливый купец, успел все прокутить. Как ему это удалось, он и сам не понял. Отец категорически отказался пользоваться «грязными деньгами» и запретил матери.

Провожая его все радовались, говорили: Вот отслужит, станет человеком! И только бабушка, которую Арсен безумно любил, плакала. Он и там, стал заниматься коммерцией. Неизвестно каким образом, но арабы, которых обучал в то время советский союз, подарили ему несколько золотых часов, среди них были и очень дорогие, швейцарские. Для советского гражданина это была невиданная роскошь. Служба шла своим чередом и тут пришло известие из дома: скончалась бабушка. Внук бегал по части, пытаясь получить увольнительную, хотел попрощаться с ней. Его не отпускали, мотивируя это тем, что по закону – бабушка, не является близким родственником. Это не мать и не отец. Вот когда они умрут, тогда можно отпустить... испробовав все и не видя выхода из положения, сел в свой танк, завел его и поехал все крушить. Когда его остановили, от части осталось не больше половины. Офицеры, готовы были его четвертовать. Но на его счастье шла проверка. В дело вмешался проверяющий. Разобравшись в деле, он наказал не солдата, а тех, кто не отпустил его домой, мотивируя это тем, что офицеры в этом случае поступили как фашисты, причин не отпускать не было. И дело не в уставе или законе, а в непонятной гордыне и толстокожести. Либо полковнику надо было кого-то из офицеров наказать, либо он действительно пожалел молодого человека, но на этот раз, хулигану повезло. На похороны Арсен уже не попал – пришлось-таки, посидеть на гауптвахте. По возвращении из армии, он ни капли не изменился. Стал гулять, выпивать, часто попадал в милицию. По нынешним временам, причины были странные: зачастую его арестовывали, только потому что он играл на гитаре и пел во дворах, в окружении своих товарищей. Правда были и оправданные аресты, например, за драки или распитие спиртных напитков. Видимо совсем разочаровавшись в жизни, он стал слушать «Голос Америки», запрещенный в Советском Союзе. При этом, младшие дети рассылались на несколько кварталов вокруг и наблюдали, не появится ли большая машина с антеннами. В это время он записывал музыку или слушал новости. Музыка записывалась, отвратительного качества, но она была другой и привлекательной. Записи передавались друзьям, друзьям друзей... Все знали, что слушать это опасно, но тем интересней казалась жизнь. У него появилось много поклонниц. Раз не помогла армия, то поможет женитьба, решили родители. Заняли баснословную сумму, в пять тысяч рублей,

добавили свои накопления и справили свадьбу. Молодые разбежались через три месяца, после рождения сына, а родители еще много лет отдавали долги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.